

ИРИНА НАУМОВА

ИЗМЕНА. С КОРАБЛЯ
ДА В ЧУЖУЮ ПОСТЕЛЬ

ИРИНА НАУМОВА

ИЗМЕНА

С КОРАБЛЯ
ДА В ЧУЖУЮ ПОСТЕЛЬ

Ирина Наумова

Измена. С корабля да в чужую постель.

<https://litres.ru/74320593>

Аннотация

— Получай, изменник! — я сжала челюсти так, что они хрустнули, и с размаху выплеснула содержимое тяжелого пожарного ведра прямо на сплетенные в полутьме тела. Ледяная забортная вода обрушилась на кровать. Тишину каюты разорвал оглушительный женский визг. А следом — густой, рычащий мужской мат, от которого, казалось, задрожали сами переборки хаусбота. Щелкнул выключатель. Свет ударил по глазам, ослепляя. Я победно вскинула подбородок, готовая встретить жалкий, оправдывающийся взгляд своего мужа-предателя, но... Воздух застрял у меня в горле. Пальцы разжались, и красное пластиковое ведро с грохотом покатилося по деревянному полу...

Я хотела лишь одного — отомстить. Ночью я пробралась в элитный яхт-клуб, чтобы вылить ведро ледяной воды на постель мужа - предателя, но... что то пошло не так...

В тексте есть: #измена_мужа_и_предательство
#настоящий_сильный_мужчина (бывший военный)
#вынужденное_соседство (жизнь на хаусботе)
#адекватная_и_сильная_героиня (никаких слез на 30 глав!)

#жесткое_наказание_изменщика
#от_отчаяния_к_настоящей_любви
#эмоционально_и_очень_горячо

Содержание

Глава1	5
Глава 2	15
Глава3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8 Матвей)	69
Глава 9	77
Глава10	87
Глава11(Матвей)	98
Глава12(Рита)	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Глава 1

Дождь в Петербурге никогда не бывает просто осадками. Это взвесь из копоты, несбывшихся надежд и серого городского уныния, которая просачивается под воротник, как бы плотно ты его ни застегивала. В свете редких фонарей капли на стекле такси казались живыми — они дрожали, сливались в кривые дорожки и бежали вниз, точь-в-точь как мои мысли за последние три часа перелета из Калининграда.

Я прижалась лбом к холодному окну. Сорок два года — возраст, когда ты уже не ждешь от жизни фейерверков, но всё еще ценишь тепло домашнего очага. Мой «очаг» находился на Крестовском острове, в доме, где консьержи улыбались так искренне, будто им за это доплачивали (хотя так оно и было).

— Приехали, — буркнул водитель, кивнув на подсвеченный фасад.

Я расплатилась, подхватила легкий чемодан и вышла в сырую питерскую полночь. Я должна была вернуться только завтра к обеду, но переговоры по расширению моего турагентства «Аквамарин» прошли на удивление гладко. Подрядчики подписали контракты, не глядя, а я, окрыленная успехом, сдала билет и вылетела ближайшим рейсом. Хотела сделать сюрприз Леониду.

Лифт поднял меня на четырнадцатый этаж. В зеркальных

панелях кабины отразилась усталая женщина с безупречным каре и в дорогом кашемировом пальто. Взгляд был тусклым, но в глубине зрачков еще теплилось это глупое, почти девичье нетерпение: сейчас я открою дверь, Лёня выйдет в коридор, заспанный, в своем смешном велюровом халате, обнимет меня и скажет, что дом без меня кажется пустым.

Ключ в замке повернулся со знакомым мягким щелчком.

В прихожей пахло... иначе. Не кофе и старой бумагой, как обычно, а чем-то чужим. Слишком густым, приторно-сладким, с нотками пачули и дешевой вульгарности. Я замерла, не снимая туфель. Обувница была девственно пуста, если не считать пары туфель Леонида. Его куртка висела на месте. Значит, дома.

Я прошла на кухню, стараясь не шуметь. На кухонном острове из темного мрамора царил порядок, который я ненавидела — стерильный, нежилой. Но взгляд зацепился за мелочь. Заварочный чайник. Наш тяжелый чугунный чайник стоял не на подставке, а прямо на камне, и — что важнее — был повернут носиком к двери. Леонид всегда, патологически всегда ставил его к окну. Пятнадцать лет совместной жизни приучают замечать такие детали на уровне рефлексов.

Я подошла ближе и коснулась бока чайника. Еще теплый.

А потом я почувствовала этот запах снова. «Sweet Sin». Сладкий грех. Духи, которые я бы не купила даже под страхом смерти. Они висели в воздухе невидимой, липкой паутиной.

В животе возник тугой, холодный узел. Я не стала звать мужа. Вместо этого я прошла к консоли в холле. Там, среди счетов и рекламных буклетов, лежал планшет Леонида. Старая модель, которую он использовал только для чтения новостей. Обычно он лежал в кабинете, но сегодня почему-то оказался здесь, брошенный экраном вверх.

Короткий, властный «дзинь» заставил меня вздрогнуть. Экран мигнул, залив прихожую мертвенно-голубым светом.

У нас в семье не было секретов. По крайней мере, я так думала до этой секунды. Пароль — 0405, день нашей свадьбы — подошел мгновенно. Планшет разблокировался, и я увидела push-уведомление от приложения для аренды элитной недвижимости.

«Уважаемый Леонид, ваша бронь хаусбота №9 в яхт-клубе "Лазурный берег" подтверждена. Заезд сегодня, в 23:00. Ключи в электронном боксе. Желаем приятного отдыха!»

Я посмотрела на время. Половина первого ночи.

Лёня не был в спальне. Лёня не засиделся за графиками. Он был там, на воде, в «Лазурном берегу». С той, что оставляет после себя шлейф «Сладкого греха» и заставляет его забывать о правильном положении чайника.

В груди что-то лопнуло. Это не была острая боль, как от пореза. Скорее, это было похоже на то, как если бы из-под ног внезапно ушла палуба, и ты понимаешь, что под тобой — бездна. Бесконечная, холодная вода, в которой нет ни одного

спасательного круга.

Пятнадцать лет.

Я помнила, как мы открывали первый офис «Аквамари-на». Как спали на полу, потому что на диван не хватало денег. Как я вытаскивала его из депрессий, когда бизнес буксовал. Как мы мечтали о детях, которых Бог нам так и не дал, и как решили, что «мы друг у друга — целая вселенная».

Оказывается, в его вселенной появилась новая планета.

Я не плакала. Слез не было — только выжигающая изнутри сухая ярость. Я положила планшет на место, чувствуя, как руки становятся ледяными. Я знала, где находится «Лазурный берег». Это было место для «своих», тихая гавань для тех, кто может позволить себе дом на воде по цене трехкомнатной квартиры в центре.

Я вышла из дома, так и не сняв пальто. Консьерж на выходе что-то спросил, но я прошла мимо, не слыша.

Свой автомобиль я вела на автопилоте. Стеклоочистители ритмично скребли по лобовому стеклу: лгал-лгал-лгал. Город проносился мимо серыми пятнами. Я не думала о том, что скажу. Не планировала скандал. Я просто хотела увидеть это своими глазами. Хотела прижечь эту рану реальностью, чтобы не осталось ни единого шанса на спасительную иллюзию.

Яхт-клуб встретил меня закрытыми воротами и сонным охранником. Я опустила стекло, и холодный дождь тут же

ударил в лицо.

— Я к девятому хаусботу. Меня ждут, — голос не дрогнул. Годы в турбизнесе научили меня врать с лицом святой мученицы.

Охранник сверился со списком, зевнул и поднял шлагбаум.

Я припарковалась в тени раскидистых ив, за которыми начинались понтоны. Запах здесь был другой — речной, тяжелый, с примесью гниющей листвы и дорогой солярки. Хаусботы раскачивались на воде, похожие на огромные светящиеся фонари.

Пятый... седьмой... восьмой...

Я шла по мокрому дереву пирса, стараясь не цокать каблуками. Ливень усилился, превращая всё вокруг в размытую акварель. Дойдя до следующего понтона, я увидела табличку. Номер девять. В окнах горел приглушенный, интимный свет.

У самого входа, на небольшом палубном столике, стояло серебряное ведерко для шампанского. Лед в нем еще не успел растаять — мелкие кубики блестели в свете фонаря, залитые дождевой водой. Пустая бутылка валялась рядом.

Гнев, который до этого был холодным, вдруг вспыхнул, как облитый бензином костер.

Перед глазами всё поплыло.

Я схватила это ведерко. Оно было тяжелым, ледяным, полным грязной, обжигающей воды. Мои пальцы до белиз-

ны сжали металлическую ручку. Я не собиралась стучать. Я просто толкнула незапертую дверь.

Внутри пахло теплом, дорогим деревом и — снова — этим проклятым «Сладким грехом». Полумрак каюты разрезали полосы света от пирса. На огромной кровати, стоявшей в центре, угадывались переплетенные силуэты.

— Получай, тварь! — я сжала челюсти так, что они хрустнули, и с размаху выплеснула содержимое тяжелого ведра прямо на спящих.

Ледяная забортная вода обрушилась на кровать массивным водопадом.

Тишину каюты разорвал оглушительный, истошный женский визг. А следом — густой, рычащий мужской мат, от которого, казалось, задрожали сами переборки хаусбота.

Щелкнул выключатель. Резкий свет ударил по глазам, ослепляя на мгновение. Я победно вскинула подбородок, выпрямилась во весь свой рост, готовая встретить жалкий, оправдывающийся взгляд своего мужа-предателя, готовая увидеть, как он будет ловить ртом воздух, пытаясь придумать очередную ложь, но...

Воздух застрял у меня в горле. Пальцы разжались, и пустое красное ведро с грохотом покатилося по деревянному полу, оставляя за собой мокрую дорожку.

Передо мной, тяжело дыша и сбрасывая с лица капли воды, стоял мужчина. Но это был не Леонид.

Незнакомец медленно поднялся с залитой водой постели,

и я невольно отступила на шаг. Он был огромен — в невысоком пространстве каюты его фигура казалась почти исполинской. Широкие плечи, мощный торс, обтянутый мокрой кожей, и... шрамы. Старые, белесые линии пересекали его грудь и уходили к правому плечу — такие не получают в спортзалах или уличных драках. От него вези силой, опасностью и чем-то таким, что заставило мой затылок мгновенно покрыться инеем.

— Ты кто такая, мать твою?! — прорычал он. Голос был низким, вибрирующим, как рокот приближающегося шторма.

Блондинка, сидевшая рядом с ним и судорожно пытавшаяся прикрыться насквозь мокрой простыней, перестала визжать и теперь только всхлипывала, размазывая тушь по лицу.

— Я... я... — я почувствовала, как краска отливает от лица. — Я ошиблась.

Мужчина сделал шаг ко мне. Медленно, как хищник, который не сомневается в своей добыче. Вода стекала с его коротких волос, за шиворот, по шрамам, но он, казалось, даже не замечал холода. Его глаза — цвета свинцовой балтийской волны — сверлили меня насквозь.

— Ошиблась? — переспросил он, и в этом слове было больше угрозы, чем в крике. — Ты врываешься ко мне ночью, обливаешь нас ледяной водой и говоришь, что ошиблась?

— Простите... я... — я попятилась к выходу, чувствуя,

как подошвы туфель скользят по разлитой воде.

Я обернулась к стеклянной двери, ищу спасения в темноте пирса, и мой взгляд упал на дверную табличку.

Цифра «9» качнулась от порыва ветра. Шруп в верхней части, видимо, давно разболтался от сырости. На моих глазах под тяжестью собственного веса металлическая цифра медленно провернулась вниз.

Шесть. Это был хаусбот номер шесть.

Я зажмурилась на секунду, чувствуя, как мир окончательно проваливается в бездну абсурда. Я перепутала лодки. Из-за разболтанного винтика и собственной ярости я только что напала на совершенно незнакомого человека.

— Девятый... — выдавила я, указывая дрожащим пальцем на соседнюю лодку, где за плотными шторами по-прежнему горел тот самый «интимный» свет. — Мне нужен был девятый.

Мужчина остановился. Он проследил за моим жестом, затем снова посмотрел на меня. Гнев в его глазах не исчез, но к нему примешалось что-то еще — жесткое, понимающее сочувствие, от которого мне захотелось провалиться сквозь палубу.

В каюте из тени вышел огромный черный кот с разорванным ухом. Он сел у ног хозяина и уставился на меня так же бесстрастно, как и сам мужчина.

— Матвей, она сумасшедшая! Вызови полицию! — подавала голос блондинка, наконец-то обмотавшись простыней так,

что стала похожа на мокрое привидение.

Матвей. Мужчина не шелохнулся. Он продолжал изучать меня — мое дорогое пальто, которое теперь висело мокрой тряпкой, мою растрепанную прическу, мои руки, которые ходили ходуном.

— Уходи, — просто сказал он. — Пока я не передумал.

Я не заставила себя ждать. Я выскочила на палубу, едва не споткнувшись о порог. Дождь мгновенно облепил лицо, смешиваясь с первыми, злыми слезами, которые наконец-то прорвались наружу. Я бежала по пирсу к своей машине, не разбирая дороги, ощущая спиной его взгляд. Тяжелый. Оценивающий.

Я захлопнула дверь автомобиля и заблокировала замки. В салоне пахло кожей и моим парфюмом — чистым, прохладным.

Я посмотрела в боковое зеркало. Там, в панорамном окне девятого хаусбота, штора на секунду отодвинулась. Я увидела профиль Леонида. Он смеялся, прижимая к себе женщину, чьего лица я не видела. Он был счастлив. Ему было тепло.

А я сидела в темноте, промокая до нитки, с пустыми руками и осознанием того, что моя жизнь — это не просто руины. Это руины, над которыми только что посмеялся случай.

Я потянулась к сумке на соседнем сиденье, чтобы найти телефон и позвонить хоть кому-то, но руки замерли.

Сумки не было.

Я оставила её там. В шестом хаусботе. На полу, рядом с

перевернутым красным ведром. А в сумке было всё: документы, ключи от квартиры, кошелек... и моя жизнь, запертая в тонком корпусе смартфона.

Я посмотрела на хаусбот номер шесть. Мужчина — Матвей — стоял на палубе. Он не ушел внутрь. Он стоял под дождем, как ни в чем не бывало, и курил, глядя прямо в сторону моей машины. Кончик его сигареты горел в темноте, как маленький, зловещий маяк.

Он поднял руку. В его пальцах я узнала свой бежевый кожаный ридикюль.

— Черт... — выдохнула я, роняя голову на руль.

С корабля да в чужую постель. Оказывается, поговорка имела и второе дно. И я только что пробила его с оглушительным треском.

Глава 2

Дождь не просто барабанил по крыше моей машины — он отсчитывал секунды моей прошлой жизни, которая стекала в канализацию вместе с грязными потоками питерской воды. Я сидела, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели и стали похожими на обточенную морем гальку.

В боковом зеркале всё ещё маячил силуэт Матвея. Он стоял на палубе шестого хаусбота, неподвижный, как гранитное изваяние, и только огонек его сигареты пульсировал в такт моему бешеному пульсу. В его руке — моя бежевая сумка. Мой «черный ящик», в котором лежали ключи от квартиры, где меня больше не ждали, и документы на бизнес, который, кажется, больше мне не принадлежал.

Я должна была вернуться. Должна была забрать вещи, извиниться еще раз или просто сбежать. Но ноги налились свинцом.

А в трех метрах от меня, за панорамным стеклом «девятки», продолжался праздник. Леонид смеялся. Я видела, как он закинул голову, как его плечи подрагивали от искреннего, легкого веселья. Рядом с ним мелькнула тонкая женская рука с бокалом. Тонкие пальцы, идеальный маникюр... и тот самый «Сладкий грех», который я теперь чувствовала даже сквозь закрытые окна автомобиля.

Я глубоко вздохнула, борясь с тошнотой. Пора заканчи-

вать этот фарс. Спектакль «Идеальная жена» официально закрыт ввиду профнепригодности режиссера.

Я толкнула дверь машины и снова вышла под ливень. Холодные капли моментально забрались за шиворот, отрезвляя. Я направилась не к Матвею. Я пошла к девятому.

Пирс под ногами казался зыбким. Каждая доска скрипела, будто предупреждая: «Остановись. Там нет ничего, кроме боли». Но я шла. Остановилась у входа, поправила мокрое каре, стараясь придать лицу то выражение, с которым обычно вхожу в кабинет к самым проблемным инвесторам. Каменная маска. Ни одной лишней эмоции.

Дверь «девятки» поддалась легко. Никаких замков. В этом мире «для своих» все чувствовали себя в безопасности.

Внутри было тепло. Слишком тепло после ледяного душа снаружи. Пахло дорогим деревом, ванилью и... да, ими. Теми самыми духами, от которых у меня теперь начиналась мигрень.

— Лёня, ну хватит, я же пролью... — раздался звонкий, девичий смех из глубины каюты.

Я прошла в гостиную, не снимая мокрого пальто. С него на светлый ламинат капала вода, оставляя темные, уродливые пятна.

Они сидели на диване. Леонид, мой идеальный муж, мой партнер, мой воздух, и она.

Она была молода. Слишком молода. Фарфоровая кожа,

огромные глаза, золотистые волосы, рассыпанные по плечам шелкового халата. Того самого халата цвета шампанского, который я видела в его корзине покупок на «Озоне» месяц назад. Тогда он сказал, что это подарок для сестры на юбилей.

Леонид замер с бутылкой вина в руках. Улыбка медленно сползла с его лица, сменяясь маской раздражения. Не испуга, не вины. А именно раздражения, как будто я была назойливой мухой, прервавшей обед.

— Женья? — он поставил бутылку на столик. — Ты что здесь делаешь? Ты же должна быть в Калининграде.

— Должна была, — голос мой звучал на удивление ровно. — Но решила сделать сюрприз. Кажется, он удался.

Девушка не вскочила, не попыталась спрятаться. Она лишь плотнее запахнула халат и посмотрела на меня с ленивым, почти сонным любопытством. Как на странную инсталляцию в музее.

— Леонид, это кто? — капризно протянула она, пригубив вино. — Твоя помощница?

Лёня поморщился. Он встал, медленно поправляя воротник рубашки. На его шее я заметила крошечное красное пятнышко. Засос. Мой муж, человек, который всегда следил за своим имиджем до маниакальности, стоял передо мной с меткой другой женщины.

— Рита, иди в спальню, — сухо бросил он.

— Но я не хочу...

— Иди, я сказал.

Рита фыркнула, поднялась — грациозно, как молодая кошка — и прошла мимо меня. Запах «Сладкого греха» ударил в лицо, заставляя зажмуриться. Проходя мимо, она едва заметно задела меня плечом. Нарочно. Чтобы показать, здесь теперь ее территория.

Когда дверь спальни закрылась, Леонид повернулся ко мне. Он не бросился на колени. Он не стал лепетать «это не то, что ты думаешь». Он просто выдохнул, засунул руки в карманы брюк и посмотрел на меня свысока.

— Ну, увидела? Легче стало? — его голос был пропитан ядом.

— Как давно, Лёня? — я сцепила руки в замок, чтобы он не видел, как меня колотит.

— Какая разница? Полгода, год... Какое это имеет значение сейчас? — он прошелся по каюте, обходя меня, как досадное препятствие. — Ты же сама всё к этому вела, Женя. Ты превратилась в робота. В ходячий бизнес-план. Мы не жили, мы выполняли показатели КРІ. Мне тридцать восемь, я мужчина. Мне нужно восхищение, а не отчеты о прибылях за квартал.

— Восхищение? — я едва не рассмеялась. Горько, до хрипа. — Ты называешь восхищением эту... нимфетку в моем халате?

— Это не твой халат, я его купил ей сам, — отрезал он. — И не смей так о ней говорить. Она дает мне то, что ты давно

разучилась давать. Легкость.

Я смотрела на него и не узнавала. Где тот мужчина, который десять лет назад носил меня на руках после того, как мы подписали первый крупный контракт? Где тот человек, который шептал мне на ухо, что я — самая красивая женщина на свете, даже когда я просыпалась с отеком лица и без макияжа?

Передо мной стоял чужак. Холодный, расчетливый и бесконечно далекий.

— Ты уходишь, — сказала я. Это был не вопрос. Приказ. Леонид остановился и посмотрел на меня почти с жалостью.

— Нет, Жень. Это ты уходишь. Причем прямо сейчас.

— Что? — я опешила. — Наша квартира на Крестовском...

— Квартира принадлежит моей матери, ты же помнишь? Мы оформили ее на нее «для защиты активов», как ты сама предлагала три года назад, когда боялась проверок налоговой. Дарственная была чистой. Мама уже попросила тебя освободить помещение. Замки сменят завтра в десять утра. Твои вещи соберут и выставят в коридор.

У меня внутри всё заledenело. Тот договор. Я сама его составляла. Сама убеждала Лёню, что так будет безопаснее для нашего общего будущего. Я строила этот замок, кирпичик за кирпичиком, не замечая, что закладываю под фундамент динамит.

— А «Аквамарин»? — мой голос сорвался. — Это моя компания. Я ее создавала с нуля!

— «Аквамарин» — это бренд, — Леонид подошел к столу и налил себе еще вина. Рука его не дрожала. — Но все счета, все контракты и вся логистика завязаны на моей фирме-прокладке. Я финансовый директор, Женя. Пока ты летала по Калининградам и светила лицом на конференциях, я занимался реальными делами. «Аквамарин» сейчас — это пустая оболочка. На нем долги по кредитам, которые ты сама же и подписывала. А все реальные деньги... скажем так, они в надежном месте.

Я покачнулась. Гравитация будто сошла с ума, пытаюсь вдавить меня в пол.

— Ты... ты всё это спланировал? — прошептала я. — Каждую подпись, каждый договор... Ты готовил это месяцами?

— Год, если быть точным, — он пригубил вино. — Я ждал, когда сумма на счетах станет достаточно внушительной, чтобы обеспечить нам с Ритой достойный старт где-нибудь в более теплом климате. Ты была хорошим партнером, Женя. Но партнеров иногда меняют. Рынок, ничего личного.

В этот момент я поняла: передо мной не просто изменщик. Передо мной преступник. Человек, который хладнокровно вырезал меня из собственной жизни, забрав всё — от крыши над головой до дела всей жизни.

— Ты чудовище, Леонид, — я выплюнула эти слова ему

в лицо.

Он лишь усмехнулся.

— Я реалист. А ты — вчерашний день. Иди, Женя. Тебе пора. На улице дождь, а у меня здесь... тепло. Не порть вечер окончательно.

Я развернулась и вышла, не сказав больше ни слова. Сил на крики не осталось. Внутри была выжженная пустыня.

Когда я ступила на мокрый пирс, ливень показался мне благословением. Он смывал с меня ощущение грязи, которой меня только что облили с ног до головы.

Я дошла до шестого хаусбота. Матвей всё еще стоял там. Сигарета давно погасла, но он не уходил. Кот Боцман сидел рядом с ним на перилах, огромный черный сфинкс в петербургской ночи.

Матвей молча протянул мне мою сумку. Его пальцы коснулись моих — холодные, твердые. Я посмотрела ему в глаза. В них не было жалости. Только понимание. Такое глубокое, как будто он сам когда-то стоял на этом же пепелище.

— Услышала то, что хотела? — спросил он. Его голос был единственным живым звуком в этом кошмаре.

— Больше, чем хотела, — я взяла сумку. Кожа ридикюля казалась ледяной.

— Тебе есть куда ехать? — он прищурился, изучая мое бледное лицо.

— У меня... у меня есть машина, — я попыталась улыб-

нуться, но губы не слушались. — И есть я. Оказывается, это не так много, как я думала.

Я пошла к парковке, чувствуя на себе его взгляд. Каждая доска пирса теперь казалась мне шатким мостиком над бездной.

Я села в машину. Захлопнула дверь. Тишина салона обрушилась на меня, как бетонная плита. Я положила голову на руль и закрыла глаза.

Пятнадцать лет.

Они пронеслись перед глазами, как ускоренная кинолента. Свадьба в маленьком ЗАГСе, радость от первой прибыли, отчаяние от первых неудач... Всё это было ложью. Всё это время я кормила змею на своей груди, а она просто ждала, когда я стану достаточно жирной, чтобы меня проглотить.

Экран смартфона, лежащего в сумке, внезапно ярко вспыхнул, разрезая темноту салона.

Я вздрогнула и потянулась к нему. Наверное, Мирон — мой юрист и друг. Может, он уже что-то узнал?

Но это был не Мирон.

Это было короткое сообщение от банковского приложения. Короткое и окончательное, как выстрел в затылок.

«Ваша основная карта **** заблокирована банком. Доступ к средствам ограничен. Обратитесь в отделение».

Следом пискнуло второе:

«Лимит по кредитной карте **** аннулирован. Доступный остаток: 0.00 руб».

Я смотрела на экран, пока он не погас.

Леонид не шутил. Он не просто ушел. Он выключил меня, как надоевшую лампочку. У меня не было налички. У меня не было доступа к счетам. У меня была машина с половиной бака бензина и больше ничего.

Я подняла голову и посмотрела на хаусбот под номером девять. Свет в гостиной погас. Загорелся в спальне.

Там сейчас было тепло. Там пили вино. Там начиналась новая жизнь, построенная на костях моей старой.

А за окном шестого хаусбота Матвей медленно зашел внутрь, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна в океане дождя. И на моем навигаторе больше не было ни одной точки маршрута.

Я включила зажигание. Мотор заурчал, но этот звук не принес облегчения. Я тронулась с места, медленно выезжая с парковки яхт-клуба. Шлагбаум поднялся — охранник даже не взглянул в мою сторону. Для него я была просто очередной дорогой машиной, уезжающей в ночь.

Куда мне ехать? К Миرونу? Глубокая ночь, у него семья, дети... К подругам? У меня их почти не осталось — за последние пять лет я заменила их бизнес-партнерами.

Я остановилась на светофоре у выезда на Каменноостровский проспект. Город спал под серым одеялом ливня.

В сумке снова пискнул телефон. Я схватила его с надеждой, которая умирает последней.

Это было сообщение с незнакомого номера. Всего три слова, от которых у меня перехватило дыхание:

«Приезжай к "Маяку".

Я уставилась на экран. "Маяк" — старый яхт-клуб на окраине, который давно считался заброшенным. И этот номер... я не знала его.

Но в зеркале заднего вида я увидела фары внедорожника, который только что выехал из ворот «Лазурного берега» и пристроился за мной.

Это был Матвей.

Я не знала, кто он. Не знала, можно ли ему доверять. Но в этот момент, когда весь мой мир превратился в пепел, этот угрюмый мужчина со шрамами был единственным, кто не пытался меня добить.

Я включила поворотник и нажала на газ, оставляя свою прошлую жизнь в брызгах грязной воды за кормой.

Глава 3

Красные габаритные огни черного внедорожника были единственным якорем в этой петербургской ночи. Матвей обогнал меня и теперь я ехала за ним, вцепившись в руль ледяными пальцами. Дождь заливал лобовое стекло сплошным ревущим потоком, дворники не справлялись, но я не сбрасывала скорость. Боялась, что если потеряю эту машину из виду, то окончательно растворюсь в темноте, перестав существовать.

Моя жизнь закончилась сорок минут назад в элитном хаусботе под номером девять. У меня больше не было семьи. Не было дома на Крестовском острове. И, судя по заблокированным картам, не было даже денег на гостиницу. Была только эта странная, иррациональная эсэмэска от незнакомца со шрамами, которого я сегодня ночью окатила ледяной водой.

Матвей. Так назвала его та перепуганная блондинка.

Я не знала, почему он уехал из «Лазурного берега» сразу после моего позора. Не знала, откуда у него мой номер — хотя, если моя сумка оставалась у него в руках несколько минут, достать оттуда визитку не составило бы труда. Я знала только одно: когда ты идешь ко дну, не принято проверять сертификаты у того, кто бросает тебе спасательный круг.

Мы свернули с парадных проспектов в промышленную

зону. Дорога испортилась, асфальт сменился бетонными плитами. В свете фар мелькнули ржавые ворота и покосившаяся вывеска: «Яхт-клуб "Маяк"».

Это место разительно отличалось от глянцевой марины, где мы оставили Леонида. Здесь пахло не дорогим парфюмом и шампанским, а мазутом, старым металлом и гниющей водорослью. Настоящий, суровый запах рабочего порта.

Внедорожник затормозил у причала. Я остановилась следом и заглушила мотор. Тишина в салоне тут же навалилась на уши, зазвенев тысячей колокольчиков. Адреналин, который держал меня на ногах последние часы, внезапно кончился. Батарейка села.

Я смотрела, как Матвей выходит из машины. Дождь мгновенно намочил его куртку, но он даже не поежился. Он подошел к моей дверце и коротко стукнул костяшками по стеклу.

Я попыталась открыть дверь, но пальцы не слушались. Они просто соскальзывали с ручки. Меня начало трясти. Крупная, неконтролируемая дрожь била по ребрам, зубы стучали так громко, что этот звук казался мне оглушительным. Откат. Психика, державшая удар перед мужем-предателем, начала стремительно разрушаться.

Дверь открылась снаружи. В салон ворвался ледяной ветер.

— Выходи, — голос Матвея прозвучал ровно.

Я попыталась шагнуть, но колени подогнулись. Я бы рухнула прямо в лужу с бензиновыми разводами, если бы он

не перехватил меня. Жестко, надежно, подмышки. Его руки были горячими даже сквозь влажную ткань моего пальто.

— Я... я не могу... — выдавила я, задыхаясь. Воздух царапал горло. Перед глазами плясали черные точки. — У меня... сердце...

— У тебя паника. Дыши, — скомандовал он. Не успокаивающе, а приказным, армейским тоном, который парадоксально привел меня в чувство на долю секунды.

Он не стал меня уговаривать. Просто подхватил на руки, легко, словно я ничего не весила, и понес по скрипучему деревянному пирсу.

Я уткнулась лицом в его плечо. От него пахло дождем и крепким табаком. Впервые за пятнадцать лет меня нес на руках чужой мужчина, а я не чувствовала ничего, кроме отчаянного, животного желания спрятаться.

Мы оказались на борту его хаусбота. В отличие от арендованной глянцевої «шестерки» в Лазурном, это было настоящее судно, переоборудованное для жизни на воде. Просторная кают-компания, обшитая темным деревом, латунные светильники, тяжелые шторы.

Матвей опустил меня на кожаный диван.

— Пальто сними. Заболеешь, — бросил он, отворачиваясь к камбузной зоне.

Я попыталась расстегнуть пуговицы, но руки тряслись так сильно, что я лишь царапала ткань. В груди стоял ком, который не давал вдохнуть полной грудью. Я задыхалась. Мне

казалось, что квартира на Крестовском, моя компания, пятнадцать лет жизни прямо сейчас смыкаются над моей головой, как бетонная плита.

Матвей оказался рядом. Он мягко, но уверенно убрал мои трясущиеся руки, сам расстегнул неподатливые пуговицы и стянул с меня мокрое кашемировое пальто. Затем он исчез на секунду и вернулся с огромным, толстым свитером грубой вязки.

— Надень. И пей.

Он вложил мне в ладони тяжелую кружку. От нее шел пар и резкий запах спиртного.

— Я не пью коньяк... — простучала я зубами.

— Это не дегустация. Это лекарство. Пей, Евгения.

Я сделала глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, вышибая слезы. Я закашлялась, но тепло, расцветающее в груди, заставило дрожь немного утихнуть. Я обхватила кружку обеими руками, кутаясь в его безразмерный свитер.

Матвей сел в кресло напротив. Он не пялился на меня. Не задавал идиотских вопросов из серии «как вы себя чувствуете». Он просто дал мне время собрать себя по кускам.

В этот момент на диван, прямо мне на колени, запрыгнул тот самый огромный черный кот с разорванным ухом. Он покрутился на месте, потоптался тяжелыми лапами по моим бедрам и, свернувшись клубком, затарахтел, как тракторный двигатель.

— Боцман редко к кому подходит, — нарушил тишину Матвей. — Считай, прошла проверку на вшивость.

Я сделала еще один крошечный глоток. Коньяк и тяжесть кота на коленях окончательно вернули меня в реальность.

— Зачем вы это делаете? — мой голос был хриплым, чужим. — Зачем привезли меня сюда? Я облила вас ледяной водой. Я ворвалась в вашу постель. Вы должны были сдать меня полиции или просто вышвырнуть на улицу.

Матвей достал из кармана помятую пачку сигарет, покрутил одну в пальцах, но прикуривать не стал. Взгляд его тяжелых, серых глаз остановился на моем лице.

— Потому что я знаю твоего мужа, Евгения.

Мое сердце пропустило удар.

— Вы... вы знакомы с Леонидом?

— Знаком — это слишком мягкое слово, — усмехнулся он, и в этой усмешке скользнула такая ледяная угроза, что мне стало не по себе. — Три года назад у меня была своя логистическая компания. Морские перевозки. Твой благоверный втерся в доверие, предложил совместный инвестпроект. А потом изящно подделал документы и оставил меня с долгами, за которые в этой стране принято ломать ноги.

Я слушала его, боясь пошевелиться. Мой муж. Мой интеллигентный, лощеный Леонид, который покупал органические продукты и слушал подкасты про осознанность.

— Я чудом не сел, — продолжил Матвей. Тон его оста-

вался ровным, как кардиограмма покойника. — Продал всё, влез в кабалу, но долги закрыл. А твой муж в качестве бонуса забрал мою жену.

— Риту... — выдохнула я, вспомнив молодую блондинку в шелковом халате.

Матвей коротко кивнул.

— Риту. Ей всегда нравились мужчины, которые пахнут дорогим парфюмом, а не солярккой. Сегодня я вернулся из первого нормального рейса за два года. Снял лодку в "Лазурном", чтобы отоспаться, привел случайную девушку из бара... и тут врывается ты. С ведром льда и глазами побитой собаки.

Он отложил сигарету и подался вперед.

— Я видел, как ты вышла из девятого хаусбота. Я видел твое лицо. Он сделал с тобой то же самое, верно?

— Он... он забрал мою компанию, — прошептала я, чувствуя, как последние иллюзии рассыпаются в пыль. — Квартиру. Деньги. Он сказал, что планировал это целый год.

Матвей откинулся на спинку кресла. В его глазах не было сочувствия в привычном, женском понимании этого слова. Там было кое-что получше. Там было понимание солдата, который увидел в траншее товарища по несчастью.

— Значит, мы в одной лодке. Буквально, — произнес он. — Спи, Евгения. Прямо здесь, на диване. Завтра будет тяже-

лый день. Нам понадобятся силы, чтобы вырвать ему кадык.

Я закрыла глаза. Коньяк расслабил мышцы. Я была абсолютно разбита, уничтожена и стерта в порошок. Но засыпая под мерное урчание Бецмана в чужом хаусботе, я впервые за долгие месяцы парадоксально не чувствовала себя одинокой.

Я засыпала в чужой гавани, еще не зная, что завтрашний день принесет новости, по сравнению с которыми сегодняшняя ночь покажется легкой прогулкой.

Глава 4

Пробуждение было похоже на всплытие со дна Финского залива. Медленно, тяжело, сквозь толщу мутной воды. Я открыла глаза. Деревянные балки на потолке, мутный иллюминатор, за которым серое петербургское утро спорило с морозящим дождем.

Моя влажная одежда аккуратно висела на спинке стула у обогревателя. Пахло кофе.

Я села, кутаясь в свитер Матвея, и попыталась собрать мысли. Вчера мне казалось, что я достигла дна. Что потерять мужа и доступ к кредиткам — это максимум, который может выдержать моя психика. Я ошибалась.

Выйдя в кают-компанию, я застала Матвея за столом. Он собирал какой-то сложный металлический механизм, протирая детали промасленной ветошью. В свете дня его лицо казалось еще более суровым — резкие скулы, упрямый подбородок и эти шрамы, которые рассказывали о его прошлом красноречивее любых слов.

— Кофе черный, без сахара. Турка на плите, — произнес он, не поднимая головы, словно мы жили вместе уже десять лет.

— Спасибо, — я налила обжигающую жидкость в тяжелую керамическую кружку. — Мне нужно ехать в офис.

Он остановил работу и посмотрел на меня.

— Зачем?

— «Аквамарин» — это дело всей моей жизни. Я ее создавала с нуля. У меня на руках контракты, печать, ключи. Леонид не может просто вычеркнуть меня за одну ночь. Это юридически невозможно. Мне нужно забрать серверные логи и оригиналы договоров, пока он до них не добрался.

Уголок губ Матвея едва заметно дернулся.

— Твой муж не похож на идиота, Женя. Если он вынес мебель, он не оставит дверь открытой. Ты поедешь туда и просто разобьешь лоб о закрытые ворота.

— Я должна проверить, — упрямо ответила я, выпрямляя спину.

— Иди, — он не стал спорить. Он понимал, что эту стадию отрицания я должна пройти сама. — Машина заправлена?

— Половина бака.

— Хватит, чтобы доехать и вернуться. Я буду ждать здесь.

Я переоделась в свои высохшие, помятые вещи, накинула пальто и вышла под ледяной дождь. Моя машина стояла на пирсе, как сирота. Я села за руль и поехала в центр.

Бизнес-центр на Петроградской стороне встретил меня привычной суетой. Я припарковалась в соседнем дворе. Расправила плечи. Включила режим «железной леди». Мне нельзя было показывать слабость.

Я подошла к турникетам в сверкающем холле. Достала

пластиковый пропуск. Приложила к стеклу считывателя.

Турникет коротко пискнул. Индикатор загорелся красным.

Я нахмурилась и приложила карточку снова. Снова красный.

— Доброе утро, Евгения Викторовна, — раздался за спиной напряженный голос.

Охранник Виктор — пожилой мужчина, которому я каждый Новый год выписывала премию — стоял передо мной, нервно переминаясь и пряча глаза.

— Виктор, что с пропуском? Выпиши мне временный.

— Евгения Викторовна... — он сглотнул. — Мне очень жаль. Ночью пришло распоряжение от генерального директора. Ваш пропуск аннулирован. Мне велено не пускать вас на территорию.

Воздух в легких превратился в битое стекло.

Генерального директора. Леонид.

— Виктор, ты же знаешь, кто я. Я владелица, — мой голос зазвенел.

— Не могу. У меня приказ от службы безопасности. Если вы вас пропущу, меня уволят с волчьим билетом.

В этот момент створки грузового лифта за турникетами разъехались. Оттуда вышли двое грузчиков, толкая перед собой тележку с картонными коробками. На одной из них синим маркером было криво написано: «Архив. ВЭД 2024». Это был мой отдел. Моя база данных.

За рабочими шел помощник Леонида — Стас. Увидев меня за стеклом турникета, он на секунду замер, а затем его губы растянулись в торжествующей ухмылке. Он даже не поздоровался. Просто прошел мимо, провожая взглядом коробки с моей жизнью.

Матвей был прав. Дверь заколотили наглухо.

Я развернулась на каблуках и вышла из здания. Меня трясло. Сев на ледяную скамейку у ближайшей кофейни, я набрала номер Мирона — моего друга и лучшего корпоративного юриста в городе.

Он примчался через двадцать минут. Взмывленный, с пухлой кожаной папкой под мышкой. Мы сели за дальний столик в кофейне.

— Рассказывай. Всё, — потребовал он, бросив папку на стол.

Я рассказала. Сухо, как на допросе. Про планшет, хаусбот, любовницу и слова Леонида о пустых счетах.

Мирон слушал, и его лицо становилось серым. Когда я закончила, он с силой потер лоб.

— Тварь... Какая же расчетливая тварь, — прошипел он. — Жень, я сегодня с утра поднял выписки через свои каналы. Он не просто вывел оборотку.

— Как он мог? — я вцепилась в край стола. — Для крупных сумм нужна моя подпись!

Я осеклась. Электронная цифровая подпись. Моя ЭЦП. Мирон тяжело кивнул.

— Твоя ЭЦП. Которая лежала в сейфе в его кабинете. Ты сама отдала ему токен полгода назад, когда улетала в Эмираты.

Я закрыла глаза. Я сама вложила пистолет ему в руку.

— Он взял кредиты, Женя, — Мирон открыл папку и подвинул ко мне распечатки. — Под залог всего оборудования, серверов и будущих контрактов. На твое имя, как на учредителя.

Я всмотрелась в итоговую строчку. Пятьдесят миллионов рублей.

— Этого не может быть, — я физически почувствовала, как кровь отливает от головы.

— Он всё провел через «своих» людей в банке, — отрезал Мирон. — Слушай меня внимательно. Сейчас ты не просто банкрот. Юридически ты — организатор мошеннической схемы. Деньги ушли на офшоры. Твоя подпись стоит на каждом документе. Если мы не докажем подделку...

Он запнулся.

— Меня посадят, — закончила я абсолютно мертвым голосом.

— От пяти до десяти лет, — тихо подтвердил друг. — По статье о мошенничестве в особо крупном размере. Он обложил тебя флажками. Если ты подашь на развод и попытаешься отсудить бизнес — он сольет эти документы в полицию.

Я сидела, глядя в окно. Дождь смывал остатки моей про-

шлой жизни. Леонид не просто ушел к молодой. Он решил бросить меня на растерзание следственным органам, чтобы обеспечить себе безопасный отход. Я была куском мяса, брошенным волкам.

— Что мне делать? — я подняла на Мирона пустые глаза.

— Залечь на дно. Не отвечать на звонки из банков. Тебе есть где жить? Поехали ко мне, Света будет рада...

— Нет, — я покачала головой. Втягивать семью друга в криминальную грязь я не собиралась. — Мне есть где остановиться. Займись заявлениями о краже ЭЦП. Нам нужно выиграть время.

Мы вышли на улицу. Мирон крепко обнял меня и победил к своей машине.

Я осталась стоять на тротуаре. Ветер пробирал до костей. Денег нет. Дома нет. Свобода под угрозой.

Визг тормозов заставил меня вздрогнуть.

У края тротуара, обдав лужу веером брызг, резко затормозил огромный черный внедорожник. Тонированное стекло медленно поползло вниз.

За рулем сидел Матвей. Спокойный, монолитный, как скала.

Он окинул меня цепким взглядом, безошибочно считывая мою бледность и обреченность.

— Закончила пробивать дно головой? — его голос прозвучал сухо, но в этой сухости было больше защиты, чем я могла себе представить.

Я молча кивнула.

Матвей толкнул пассажирскую дверь, открывая ее передо мной.

— Садись, Евгения, — приказал он тоном, не терпящим возражений.

Я сделала шаг к его внедорожнику, но вдруг замерла, оглянувшись на арку двора.

— Моя машина... Она припаркована за углом. Я не могу ее здесь бросить, это всё, что у меня осталось.

Матвей коротко, тяжело вздохнул, глядя на меня как на новобранца.

— Твоя машина куплена в браке? На нее оформлена страховка через компанию мужа?

— Да, но...

— Значит, на ней стоит GPS-маяк, — жестко отрезал он. — Если твой муж не идиот, а он не идиот, он прямо сейчас видит с телефона, что она стоит у твоего бывшего офиса. Сядешь в нее — и его охрана или полиция перехватит тебя на первом же перекрестке под любым предлогом. Оставь ее.

Она послужит нам отличной обманкой. Садись в мою, живо!

Я сглотнула, понимая его железную логику. Мой собственный автомобиль теперь был маячком на моей шее. Я шагнула в теплый салон внедорожника, и Матвей с силой захлопнул за мной дверь. Пора было ломать хребет моему мужу.

Глава 5

Тяжелая дверь внедорожника захлопнулась, отсекая шум улицы, гудки машин и хлесткий шум дождя. Салон автомобиля напоминал герметичную капсулу, пропитанную запахом дорогой кожи и легким, терпким ароматом табака. Я откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как дрожат колени.

Матвей плавно влился в плотный питерский трафик. Он вел машину так же, как, вероятно, делал всё остальное в своей жизни — без лишней суеты, уверенно и жестко контролируя пространство вокруг.

— Пятьдесят миллионов, — произнесла я в пустоту салона. Собственный голос показался мне чужим, надтреснутым. — Он взял кредиты на пятьдесят миллионов под залог оборудования и будущих контрактов моей фирмы.

Матвей не повернул головы. Только его пальцы, лежащие на кожаной оплетке руля, едва заметно сжались.

— На твое имя? — коротко спросил он.

— Да. С помощью моей электронной подписи. Я сама отдала ему токен полгода назад. Мой юрист говорит, что деньги уже выведены на офшорные счета. Юридически я — организатор мошеннической схемы. Если мы не докажем, что документы подписывал Леонид со своего IP-адреса, мне грозит тюрьма.

Я ждала вздохов, сочувственных взглядов или дежурных

фраз о том, что всё образуется. Но Матвей был слеплен из другого теста. Он оценивал ситуацию не как трагедию, а как вводные данные перед боевой операцией.

— Стандартная схема захвата, — его тон был ровным, почти ледяным. — Твой муж не стал изобретать велосипед. Он использовал твое доверие как слепую зону. Идеальное прикрытие. Пока ты занималась реальным бизнесом, он строил теневую структуру.

— Я чувствую себя непроходимой идиоткой.

— Оставь самобичевание для мемуаров, — резко отрезал Матвей, бросив на меня короткий взгляд в зеркало заднего вида. — Идиоты не строят успешные компании с нуля. Ты просто судила о нем по себе. Ошибка многих нормальных людей. Сейчас важно другое: где физически находятся серверы с логами?

— Он вывозит их прямо сейчас. Я видела грузчиков в холле.

— Значит, цифровые следы он зачистит до конца недели, — констатировал Матвей. — У нас мало времени.

Остаток пути мы проехали в молчании. Город за окном казался враждебным, серым лабиринтом, из которого меня вот-вот должны были вышвырнуть. Я смотрела на капли, бегущие по стеклу, и осознавала масштаб катастрофы. В сорок два года оказаться без дома, без денег, с перспективой уголовного срока — это не тот сценарий, который можно исправить бокалом вина с подругами. Это точка обнуления.

Мы свернули на разбитую бетонку, ведущую к старому яхт-клубу «Маяк». В дневном свете это место выглядело еще более суровым, чем ночью. Ржавые краны, облупившаяся краска на административном здании, тяжелые свинцовые волны, бьющиеся о бетонные сваи. Гладкий, вылизанный мир «Лазурного берега» казался отсюда другой планетой.

Хаусбот Матвея раскачивался у крайнего понтона. Когда мы поднялись на борт, массивная дверь отсекала нас от ледяного ветра. Внутри было тепло. Пахло разогретым деревом.

Кот Боцман прыгнул с подоконника и, обойдя хозяина, тяжело потерялся о мои замерзшие ноги. Я нагнулась и провела рукой по его жесткой черной шерсти, чувствуя, как от этого простого действия внутри немного отпускает сжатая пружина.

— Проходи, — Матвей снял куртку и повесил ее на крючок у входа. — Справа по коридору гостевая каюта. Там есть чистые полотенца и душ. Тебе нужно смыть с себя этот бизнес-центр.

Я послушно кивнула. Моя одежда, в которой я спала, а затем ездила на встречу со своим крахом, казалась мне грязной, пропитанной запахом поражения.

Гостевая каюта была крошечной, но идеально чистой. Узкая кровать, встроенный шкаф, небольшое зеркало. Я заперлась в примыкающем санузле и встала под горячие струи воды. Я стояла там, пока кожа не покраснела, позволяя кипят-

ку вымывать из мышц ледяной ужас утреннего разговора с Мироном. Я закрыла глаза и мысленно прощалась со своей квартирой на Крестовском, со своими панорамными окнами, с гардеробной, набитой брендовыми вещами, которые я больше никогда не надену. Всё это было платой за слепоту.

Когда я вышла в кают-компанию, вытирая волосы жестким полотенцем, пространство было наполнено совершенно невероятным, плотным запахом жареного мяса и специй.

Матвей стоял у газовой плиты. На нем снова была та черная футболка, открывающая рельефные, испещренные шрамами руки. Он ловко переворачивал куски говядины на тяжелой чугунной сковороде.

Я вдруг осознала, что не ела больше суток. Мой желудок свело болезненным спазмом. В моей прошлой жизни мы с Леонидом почти не готовили. Рестораны, доставки правильного питания, максимум — кофемашина по утрам. Запах настоящей, грубой домашней еды казался чем-то забытым, из прошлой эпохи.

— Садись, — он кивнул на тяжелый деревянный стол.

Через минуту передо мной стояла тарелка с обжигающим мясом и крупно нарезанными овощами. Матвей сел напротив, поставив между нами френч-пресс с крепким чаем.

— Ешь, Евгения. На голодный желудок воют только в плохом кино. В реальности мозгу нужна глюкоза.

Я взяла вилку. Первый кусок показался мне вкуснее всего, что я когда-либо пробовала в мишленовских ресторанах.

Мы ели в молчании. Только мерный плеск воды за бортом и стук приборов нарушали тишину. В этом мужчине не было ни капли суеты. Его присутствие рядом работало как тяжелый гравитационный якорь, не дающий моей психике окончательно улететь в истерику.

— Расскажи мне про компанию, — произнес он, отодвигая пустую тарелку. — Как выводились деньги?

Я глубоко вздохнула, собирая мысли в кулак.

— На балансе «Аквамарина» была недвижимость. Несколько офисов, складские помещения, плюс дорогие серверы с нашими базами данных. По словам юриста, Леонид учредил несколько фирм-прокладок. Оформил договоры купли-продажи имущества от моего имени с отсрочкой платежа, а затем взял под эти активы кредиты.

— Классика, — Матвей достал из кармана блокнот и ручку, бросив их на стол. — Нарисуй схему. Кому он мог переводить средства? У него есть теневые партнеры?

Я взяла ручку. Пальцы всё еще немного дрожали, когда я вычерчивала на бумаге квадраты и стрелки.

— В последние полгода он часто закрывался в кабинете и говорил по защищенному мессенджеру. Я случайно услышала одно имя. Сергей. Леонид сказал мне, что это крупный инвестор из Москвы, который хочет вложиться в наши яхтенные туры. Но после разговоров с ним Лёня всегда выгля-

дел нервным, пил коньяк и срывался на подчиненных.

Глаза Матвея сузились. Он подался вперед, опираясь локтями о стол. Враждебность, исходившая от него в этот момент, была почти осязаемой.

— В турбизнесе нормальные инвесторы не общаются через зашифрованные каналы, Женя. И не доводят партнеров до нервного тика. Это не инвестиции. Это прачечная.

— Прачечная? — я непонимающе посмотрела на него.

— Отмыв денег. Или логистический канал для чего-то нелегального. Твой муж не просто украл твои деньги. Он влез в криминал, используя твою компанию как легальный фасад.

Меня обдало холодом. Пазл начал складываться. Постоянные командировки Леонида в портовые зоны, его внезапная любовь к организации частных VIP-регат, на которые он не пускал даже меня.

— Если за ним стоит криминал, то я покойница, — выдохнула я, откладывая ручку. — Мирон сказал, что спасти меня могут только оригинальные серверные логи, доказывающие, что в систему входили с компьютера Леонида, когда я была за границей. Но он их вывез. Цифровые копии будут уничтожены.

Матвей задумчиво постучал пальцами по столу. Его взгляд был устремлен куда-то сквозь меня.

— Цифровые копии хранятся в облаке. А физические? Леонид педант?

— Нет. В технологиях он ленив. Он всегда доверял аналоговым вещам больше, чем цифре.

— Аналоговым... — Матвей медленно перевел взгляд на мое лицо. — В вашем офисе была система внутреннего видеонаблюдения?

— Да, — я нахмурилась, пытаюсь вспомнить. — Мы устанавливали ее пять лет назад. Но она не пишет в облако. Это старая система. Сервер с жесткими дисками заперт в огнеупорном сейфе в серверной комнате. Леонид собирался ее модернизировать, но руки так и не дошли.

— Он сменил замки на входе. Он аннулировал твой пропуск, — Матвей начал говорить быстрее, в его голосе появились хищные нотки. — Но менял ли он код от старого сейфа?

Я замерла. Леонид ненавидел запоминать новые пароли. Его пин-коды на картах не менялись годами, а паролем от планшета была дата нашей свадьбы.

— Код от сейфа знала только я и начальник службы безопасности, которого Леонид уволил месяц назад. Если Лёня вывез архивы с документами, он мог забыть про жесткие диски видеонаблюдения. Он привык мыслить бумагами.

— На этих дисках есть записи того, как он сидит за компьютером с твоим токеном? — глаза Матвея хищно блеснули.

— Должны быть. Камера висит прямо над его рабочим

столом.

Матвей медленно откинулся на спинку стула. Его лицо осветила жесткая, почти пугающая улыбка.

— Вот мы и нашли уязвимость в его идеальном плане.

В этот момент экран моего телефона, лежащего на столе, загорелся. Я вздрогнула, словно аппарат ударил меня током.

На экране светилось входящее сообщение. От Леонида.

Мое сердце забилося где-то в горле. Я потянулась к телефону, но Матвей накрыл мою руку своей. Его ладонь была тяжелой, мозолистой и очень горячей. Этот внезапный тактильный контакт — кожа к коже — послал по моим нервам электрический разряд. Я подняла глаза. Взгляды пересеклись. На долю секунды в замкнутом пространстве каюты возникло напряжение совершенно иного толка. Взрослое, густое, от которого перехватило дыхание.

Он не убрал руку.

— Читай вслух, — тихо приказал он.

Я сглотнула и свободной рукой смахнула уведомление на экране.

— «Женя, не усложняй. Встретимся завтра в ресторане "Симфония". Ты подпишешь акт добровольного признания долга, а я куплю тебе студию на окраине и позабочусь, чтобы дело не дошло до суда. Если начнешь бегать по адвокатам — люди, с которыми я работаю, закопают тебя в ближайшей

лесополосе. Будь умной девочкой».

Последняя фраза ударила наотмашь. «Будь умной девочкой». Так он говорил мне, когда я пыталась спорить с ним по финансовым вопросам.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает желчь. Он не просто предатель. Он расчетливый, циничный ублюдок, который упивается своей властью.

Матвей наконец убрал руку. Он взял мой телефон, посмотрел на экран и хмыкнул.

— Он нервничает. Это хорошо.

— Нервничает? Он угрожает мне убийством!

— Если бы он контролировал ситуацию на сто процентов, он бы не стал предлагать тебе студию и встречу в ресторане, — Матвей бросил телефон на стол. — Ему нужна твоя живая, физическая подпись на бумаге. Электронная подпись — это повод для долгих судебных экспертиз, которых его теневые партнеры явно не хотят. Ему нужен железобетонный документ, чтобы закрыть вопрос перед своими кредиторами.

Я закрыла лицо руками.

— Я не поеду на эту встречу. Я не подпишу.

— Поедешь, — голос Матвея прозвучал твердо, как удар молотка.

Я резко оторвала руки от лица.

— Что?! Ты предлагаешь мне сдаться?

— Я предлагаю тебе стать приманкой, — Матвей подался вперед, и в его глазах зажегся тот самый огонь, который когда-то вел его в бой. — Пока ты будешь сидеть в ресторане, изображать сломленную жертву и тянуть время над его бумагами, мы вскроем твой офис и вынесем этот чертов сейф.

— Мы? Офис охраняется. Вывезти оттуда сейф незамеченным — это нереально.

— Сейф нам не нужен. Нам нужны диски внутри. И нам нужен человек, который сможет дистанционно вырубить внутреннюю сигнализацию на твоём этаже, пока я буду работать руками, — Матвей достал из кармана свой потертый смартфон.

— Кто? — я смотрела на него, не веря своим ушам. Этот человек, которого я знала меньше суток, собирался рисковать свободой ради меня?

— Мой старый друг. Он немного не в себе, зато с компьютерами разговаривает лучше, чем с людьми, — Матвей усмехнулся. — Завтра он будет здесь. А пока...

Он встал, подошел ко мне и положил тяжелую ладонь мне на плечо. Этот жест не был интимным, но в нем было столько подавляющей, монолитной мужской надежности, что мои глаза впервые за эти сутки предательски защипали.

— А пока иди спи, Евгения. Тебе нужно научиться плакать с открытыми глазами.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Моя старая

жизнь сгорела дотла. Но сидя в чужой каюте, в одежде, пахнувшей табаком незнакомца, я впервые почувствовала, что из этого пепла можно выковать неплохой клинок.

И этот мужчина со шрамами явно знал толк в кузнечном деле.

Глава 6

Утро в старом яхт-клубе «Маяк» не наступило — оно просто медленно просочилось сквозь серую хмарь петербургского тумана. Я проснулась от того, что Боцман, решивший, видимо, что я окончательно принята в экипаж, бесцеремонно устроился у меня на груди. Тяжелый, теплый ком меха вибрировал от басовитого мурчания, и на мгновение мне показалось, что всё произошедшее — лишь затянувшийся кошмар.

Но стоит было открыть глаза, как реальность ударила под дых. Низкие балки потолка, запах солянки и осознание: сегодня я должна встретиться с человеком, который планомерно уничтожал меня последний год.

Когда я вышла в кают-компанию, Матвей уже был на ногах. Он стоял у окна, изучая что-то в своей планшете. На столе рядом с ним лежала распечатанная схема моего офиса — я набросала её вчера вечером.

— Готова? — он не обернулся, но я кожей почувствовала его внимание.

— К чему именно? К завтраку или к тому, чтобы стать приманкой в руках собственного мужа? — я постаралась, чтобы голос не дрожал, но вышло жалко.

Матвей наконец повернулся. В его взгляде не было привычной суровости, скорее — тихая, концентрированная под-

держка.

— К тому, чтобы вернуть себе свою жизнь, Евгения.

В дверь хаусбота коротко, дробно постучали. Боцман мгновенно спрыгнул с моих колен и выгнул спину, зашипев. Матвей подошел к двери, глянул в глазок и отодвинул тяжелый засов.

На пороге стоял человек, который меньше всего походил на гениального хакера или соратника сурового моряка. Щуплый, в безразмерной толстовке с капюшоном, в очках в толстой роговой оправе, которые постоянно сползали на кончик носа. В руках он сжимал два огромных бумажных пакета с логотипом сетевой кофейни.

— Если в этом городе и есть ад, то он находится на заезде в «Маяк», — проворчал вошедший, не дожидаясь приглашения. — Матвей, ты специально выбираешь места, где подвеска моего «Ниссана» молит о пощаде?

— Меньше слов, Демид. Познакомься, это Евгения. Жена, это Демид. Он сделает так, чтобы камеры в твоём бизнес-центре ослепли в нужный момент.

Демид поставил пакеты на стол, поправил очки и бесцеремонно окинул меня взглядом с ног до головы.

— Та самая «железная леди» из «Аквамарина»? Приятно познакомиться. Хотя, признаться, я представлял вас... ну, чуть более бронированной. А вы сейчас похожи на человека,

который собирается добровольно пойти в клетку к тигру.

— Это план, Демид, — холодно вставил Матвей. — Не трать время на психоанализ.

Демид фыркнул, достал из пакета три стакана с кофе и коробку с пончиками.

— Ладно, к делу. Я пробил твой БЦ, Евгения Викторовна. Система там — классическая «Сова». Дырявая, как швейцарский сыр, если знать, куда тыкать. Но есть нюанс. Леонид вчера сменил все коды доступа к внешнему контуру. Дистанционно я могу только создать помехи или зациклить картинку на десять-пятнадцать минут. Этого мало, чтобы Матвей вскрыл сейф и ушел красиво.

— Сколько тебе нужно? — спросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Мне нужно, чтобы кто-то вставил этот «свисток» в любой компьютер внутренней сети на твоем этаже, — Демид выудил из кармана обычную на вид флешку, но с маленькой красной точкой-индикатором. — Как только он будет в разьеме, я получу полный административный доступ. Я вырублю датчики движения, заблокирую лифты и дам Матвею столько времени, сколько потребуется.

— Но в офисе охрана, — я покачала горой. — И Стас. Он не спускает глаз с коридора.

— Именно поэтому ты идешь в ресторан «Симфония», — Матвей подошел ближе, нависая надо мной. От него исходи-

ла такая уверенность, что паника начала понемногу отступать. — Леонид ждет тебя там в семь. Он уверен, что ты раздавлена. Он будет упиваться своим триумфом. Твоя задача — заставить его поверить, что ты готова подписать всё. Тяни время. Торгуйся за каждую копейку в этой «студии на окраине». Вызывай у него жалость, раздражение — что угодно, лишь бы он не смотрел в телефон.

— А флешка? Кто вставит флешку, если я буду в ресторане? — я перевела взгляд с одного мужчины на другого.

— Это сделаю я, — Матвей положил руку на стол, и я увидела, как побелели его костяшки. — Я зайду через пожарный выход за пять минут до твоей встречи. Демид создаст помеху на входе, охрана отвлечется на «зависший» монитор. У меня будет окно в девяносто секунд.

— Это безумие, — прошептала я. — Если вас поймают...

— Не поймают, — отрезал Матвей. — А теперь главное. Евгения, посмотри на меня.

Я подняла глаза. В свинцовой глубине его зрачков не было и тени сомнения.

— Ты должна выглядеть как жертва. Надень то, что он любит. Будь той женщиной, которую он привык видеть — слабой, зависимой, испуганной. Он должен расслабиться. Хищник теряет бдительность, когда уверен, что добыча больше не сопротивляется.

— У меня нет одежды, — горько усмехнулась я. — Мой

гардероб остался на Крестовском.

Матвей молча достал из кармана пачку купюр и положил на стол. Моих собственных денег — тех, что Леонид не успел выместить с моей личной «зачатки» на карте Мирона — едва хватило бы на ужин.

— Поедешь с Демидом. Он отвезет тебя в торговый центр, посидит в машине, пока ты соберешь «костюм для казни». Покупай лучшее. Это твои доспехи на сегодня.

Демид весело подмигнул мне, дожевывая пончик.

— Обожаю шопинг с драматическим подтекстом. По ко-
ням, леди?

Торговый центр встретил меня привычным гулом, запахом дорогого кофе и беззаботным смехом покупателей. Еще пару дней назад я была частью этого мира. Я была той, на кого равнялись, у кого просили совета, чье появление вызывало почтительное кивание продавцов в бутиках.

Сегодня я шла по галереям, чувствуя себя призраком.

Я зашла в магазин итальянского бренда, где одевалась последние пять лет. Консультант — тонкая девушка с безупречной улыбкой — узнала меня не сразу.

— Евгения Викторовна? Рады вас видеть. Вам как обычно? Новая коллекция только вчера...

— Мне нужно платье, — перебила я её. Голос звучал сухо и холодно. — Черное. Закрытое. Такое, чтобы я выглядела в

нем... разбитой, но достойной. И пальто.

Я выбирала вещи, как солдат выбирает камуфляж. Тонкая шерсть, безупречный крой, ни одной лишней детали. Когда я вышла из примерочной, из зеркала на меня смотрела женщина, которую Леонид знал и любил подчинять. Элегантная, хрупкая, с бледной кожей и тенями под глазами. Идеальная жертва.

Но под этим платьем, на моей талии, был закреплен тонкий эластичный пояс, который Матвей дал мне перед отъездом. В него был вшит тот самый GPS-маячок.

— Ну как? — спросил Демид, когда я вернулась в машину. — Выглядите на миллион долларов. Или на пятьдесят миллионов кредита.

— Очень смешно, Демид. Поехали. Мне нужно подготовиться морально.

Вечерний Петербург зажегся огнями, которые отражались в мокром асфальте, превращая улицы в реки из расплавленного золота. Ресторан «Симфония» располагался на крыше одного из новых бизнес-центров с видом на Исаакиевский собор. Леонид обожал это место — здесь он чувствовал себя на вершине мира.

Демид посадил меня за два квартала.

Ресторан встретил меня приглушенным джазом и звоном хрусталя. Официант проводил меня к угловому столику у окна. Леонида еще не было. Он опаздывал — его любимый прием, чтобы заставить собеседника нервничать.

Я заказала воду с лимоном и уставилась на огни города. В сумочке лежал кулон с тревожной кнопкой. В голове — план. В сердце — ледяная пустота.

Через пятнадцать минут он появился.

Леонид шел по залу своей привычной, ленивой походкой уверенного в себе хищника. На нем был костюм, который я выбирала ему на прошлую годовщину. Он выглядел великолепно, свежо, словно и не было той ночи в яхт-клубе.

Он сел напротив, не снимая тонкой улыбки с губ. Окинул меня взглядом, задержавшись на моем новом платье.

— Выглядишь... аутентично, Евгения. Траур тебе к лицу. Надеюсь, ты пришла с правильными мыслями?

— Я пришла закончить этот кошмар, Леонид, — я постаралась, чтобы мой голос звучал тихо и надтреснуто. — Я видела бумаги. Пятьдесят миллионов... Ты понимаешь, что ты сделал? Ты уничтожил меня.

— Я обеспечил наше будущее, дорогая. Просто в этом будущем для тебя предусмотрена другая роль, — он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и положил его на стол. — Это акт признания долга. Подпишешь — и я заберу кредиты на свои фирмы-прокладки. Ты останешься чистой перед законом. Не подпишешь — завтра утром документы уедут в ОБЭП. Выбирай. Тюрьма или тихая жизнь в студии в Кудрово.

— Мне нужно время, чтобы прочитать, — я потянулась к

бумаге дрожащей рукой. — Здесь слишком много пунктов.

— Читай, Женя. У нас впереди весь вечер, — Леонид откинулся на спинку стула и подозвал официанта. — Нам бутылку вашего лучшего Кьянти. Моя жена сегодня подписывает себе свободу.

Я опустила голову к тексту, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел. Таймер запущен. Прямо сейчас Матвей входит в мой офис. Прямо сейчас Демид взламывает систему. Прямо сейчас я сижу напротив монстра, которого любила пятнадцать лет, и молю бога, чтобы он не заметил, как дрожат мои пальцы не от страха, а от ненависти.

В этот момент телефон Леонида, лежащий на столе экраном вверх, коротко пискнул. Пришло уведомление.

Леонид нахмурился и потянулся к смартфону. Мое сердце пропустило удар. Если это Стас из офиса сообщает о проблемах с электричеством...

— Кто это беспокоит тебя в такой важный момент? — быстро спросила я, пытаясь отвлечь его внимание. — Рита? Она уже волнуется, что ты со мной?

Леонид замер, рука его остановилась в паре сантиметров от телефона. Он поднял на меня взгляд, и в его глазах блеснуло холодное подозрение.

— Какая тебе разница, Женя? Читать разучилась? Сосредоточься на пункте об отказе от прав собственности. Это твой единственный шанс не сгнить за решеткой.

Он всё же взял телефон и нажал на экран. Я затаила дыхание, готовая в любую секунду нажать на кнопку кулона.

Глава 7

Сердце в грудной клетке билось так, словно хотело проломить ребра. Я видела, как большой палец Леонида завис над экраном смартфона. Секунда растянулась в вечность. Я кожей чувствовала, как в здании напротив Матвей, возможно, уже вскрывает замок пожарной лестницы, а Демид, сгорбившись над ноутбуком, отсчитывает такты пульса системы безопасности моего офиса.

Если сейчас на экране всплывет алерт от «Совы» — системы охраны — всё кончено.

Леонид мазнул пальцем по стеклу. Его лицо на мгновение осветилось холодным светом дисплея. Он нахмурился, и я едва не нажала тревожную кнопку прямо под столом.

— Рита, — прошипел он, раздраженно закатывая глаза. — Опять не может разобраться с доставкой еды. Жень, ты представляешь, она умудрилась заказать устриц в квартиру, где нет даже ножа для открывания раковин. Она звонит мне и требует, чтобы я бросил всё и приехал их открывать.

Он со стуком положил телефон на стол экраном вниз.

Я едва не выдохнула вслух. Напряжение, сковавшее плечи, слегка отпустило, но на смену ему пришла горькая, ядовитая ирония. Значит, устрицы. Пока он отбирает у меня жизнь, его новая пассия страдает из-за отсутствия ножа. Пятнадцать лет я решала все его бытовые проблемы, была

его тылом, его страховкой, его мозговым центром. А теперь он получил то, что хотел — «легкость». Которая не умеет открывать раковины.

— Она молода, Лёня, — я заставила себя выдавить смиренную улыбку, хотя внутри всё клокотало. — Тебе ведь это в ней нравится? Беспомощность. На моем фоне она кажется тебе... сказочной принцессой.

— Именно, — он пригубил вино, и я увидела в его глазах это самодовольное, сытое торжество. — С ней я чувствую себя мужчиной, а не младшим партнером по бизнесу. Подписывай, Женя. Не порти момент. Официант скоро принесет горячее, и я бы хотел провести остаток вечера, обсуждая детали моего переезда, а не твои долги.

Я опустила взгляд на документ. Бумага была плотной, дорогой — Леонид даже на таких вещах не экономил, если дело касалось его комфорта.

«Акт добровольного признания обязательств...»

Юридический капкан. Подписав это, я не просто признавала долг в пятьдесят миллионов. Я подтверждала, что все финансовые операции проводились с моего ведома и по моему распоряжению. Это была моя добровольная петля.

— Здесь написано, что я отказываюсь от любых претензий к твоим компаниям-сателлитам, — я медленно перевернула страницу, стараясь читать как можно медленнее. — Леонид, это ведь грабеж. «Аквамарин» стоит в три раза больше этого долга. Ты забираешь у меня всё и предлагаешь студию в

Кудрово?

— Студия в Кудрово — это щедрость, Женя. Учитывая, что по закону тебе светит казенная койка в мордовских лагерях, — он подался вперед, и его голос стал похож на шелест змеи в сухой траве. — Давай будем честными. Ты проиграла. Ты не заметила, как мир изменился. Ты жила в своих графиках и контрактах, пока я создавал реальную сеть. Подпиши, и ты выйдешь отсюда свободной. С чистым паспортом. Я даже позволю тебе забрать твой старый «Мерседес» — переоформим его на тебя завтра.

«Мой старый Мерседес». Который я купила на свои бонусы три года назад. Он предлагал мне его как милостыню.

— Мне нужно прочесть пункт восемь дробь три, — я ткнула пальцем в случайную строчку. — Про порядок взыскания в случае форс-мажора. Тут странная формулировка...

— Черт, Женя! Ты всегда была такой занудой! — он с силой поставил бокал. Вино плеснуло на белую скатерть, расплываясь кровавым пятном. — Читай быстрее. У меня нет времени на твой юридический ликбез.

В этот момент в моем сумочке, лежащей на коленях, едва ощутимо завибрировал телефон. Один короткий импульс. Это был сигнал от Матвея. Он внутри.

Я почувствовала, как по спине пробежал озноб. Прямо сейчас человек, которого я знаю меньше двух суток, рискует всем в моем офисе. А я сижу здесь и играю роль брошенной жены.

— Я просто боюсь, Лёня, — я подняла на него глаза, стараясь, чтобы они заблестели от слез. В этот раз мне не пришлось играть — боль была настоящей, она просто сменила вектор. — Я боюсь, что подпишу это, а ты всё равно меня сдашь. Почему я должна тебе верить после того, как нашла тебя на том хаусботе?

Леонид поморщился, словно я напомнила ему о чем-то неприятном, вроде наступившей на ботинок грязи.

— То, что произошло в яхт-клубе — досадная случайность. Если бы ты не вернулась раньше, мы бы развелись цивилизованно через пару месяцев. Я бы оставил тебе долю в бизнесе. Но ты сама выбрала путь скандала. Ты заставила меня ускорить процесс. Так что вини во всём свою не вовремя проснувшуюся интуицию.

— Значит, виновата я? — я горько усмехнулась. — Не ты, который крал у жены деньги год за годом. Не ты, который спал с девчонкой в два раза моложе тебя. А я — потому что вернулась домой?

— Жень, не начинай, — он устало отмахнулся. — Женская логика — это не то, что я хочу слушать под Кьянти. Просто подпиши. Видишь, я даже ручку приготовил. Твою любимую, «Монблан», которую ты подарила мне на десятилетие свадьбы. Символично, не находишь?

Он протянул мне массивную ручку. Золотое перо блеснуло в свете люстр. Та самая ручка... Я выбирала её три дня,

заказывала гравировку «Моему капитану». Какая ирония. Мой капитан оказался пиратом, который первым делом затопил собственное судно.

Я взяла ручку. Она была тяжелой и холодной.

Мой взгляд метнулся к панорамному окну. Там, через проспект, над крышами других зданий, виднелся верхний этаж моего бизнес-центра. Окна моего кабинета выходили как раз в эту сторону. Мне показалось, или там на секунду мигнул свет?

— Ну? Чего ты ждешь? — Леонид начал терять терпение. Его пальцы нервно забарабанили по столу. — Подписывай, или я сейчас встаю и ухожу. И тогда твой следующий завтрак будет в СИЗО.

Я положила ручку на бумагу. Перьевой кончик коснулся белизны листа. Нужно было тянуть время. Демид сказал — минимум двадцать минут. Прошло десять.

— Лёня... — я сделала глубокий вдох. — Скажи мне правду. Только один раз. Тот «инвестор», Сергей... Ты ведь не просто взял у него деньги. Ты ведь занимаешься чем-то другим через мои логистические каналы?

Леонид замер. Его лицо мгновенно превратилось в маску из застывшего гипса. Улыбка исчезла, сменившись чем-то острым и опасным.

— Откуда ты знаешь про Сергея?

— Я слышала твой разговор месяц назад. Ты кричал на

него. Ты говорил про портовую зону в Усть-Луге и какие-то «ящики с маркировкой».

Леонид подался вперед, сокращая расстояние между нами до минимума. От него пахло вином и чем-то металлическим, холодным.

— Слушай меня внимательно, Евгения. В этом документе — твоя жизнь. Больше не произноси это имя. Никогда. Сергей — это не тот человек, чьи дела обсуждают за ужином. Если ты хочешь дожить до своей студии в Кудрово, забудь всё, что слышала. Подписывай. Сейчас.

Он практически вырвал у меня ручку и снова вложил её мне в пальцы, сжимая мою кисть своей рукой. Его хватка была болезненной.

— Ты мне больно делаешь, — прошептала я.

— Привыкай, — процедил он. — Мир — болезненное место.

В этот момент мой телефон в сумке снова вибрировал. Два раза. Коротко.

Сигнал «SOS» или «Отход»? Мы не договаривались о двух импульсах.

Я почувствовала, как внутри всё заледенело. Что-то пошло не так. Матвей в беде? Или Демид потерял связь?

Я должна была что-то сделать.

— Ой! — я намеренно дернула рукой, «случайно» задев

бокал с вином.

Красная жидкость хлынула на скатерть, заливая нижнюю часть контракта. Леонид отпрянул, выругавшись и отряхивая свои дорогие брюки.

— Черт! Женья! Ты специально?! Ты хоть понимаешь, сколько стоит этот костюм?!

— Прости, прости! У меня руки дрожат... — я вскочила, хватая салфетки и делая вид, что пытаюсь промокнуть пятно, а на самом деле еще сильнее размазывая вино по бумаге. — Я сейчас... я всё исправлю...

— Сядь! — гаркнул он так, что соседние столики обернулись. — Ты испортила экземпляр! У меня есть второй в машине, но теперь мне придется за ним спускаться.

Он стоял, тяжело дыша, его лицо покраснело от гнева.

— Сиди здесь. Не смей уходить. Если я вернусь и тебя не будет — я позвоню Сергею. И тогда Кудрово покажется тебе раем. Поняла?

— Да, — я сжалась, изображая предельный испуг. — Да, Лёня. Я никуда не уйду.

Он схватил свой телефон, пиджак и стремительно направился к выходу из зала.

Как только двери за ним закрылись, я выхватила свой телефон из сумки. Сообщение от Матвея: «Тревога. Охрана на этаже. Уходи сейчас».

Мои пальцы задрожали. Я посмотрела на залитый вином

контракт. На пустой стул напротив. Леонид пошел вниз, к парковке. Матвей в здании напротив. Охрана на этаже.

Я не могла уйти просто так.

Я схватила свою сумку, бросила на стол пару крупных купюр из тех, что дал Матвей — за вино, которое мы не допили, — и бросилась к лифтам. Но не вниз, к выходу, где я могла столкнуться с Леонидом.

Я нажала кнопку «Крыша».

Там была смотровая площадка. И там, в тени технических сооружений, я могла видеть свой офис.

Когда лифт открылся, меня обдало холодным ночным ветром. Я выбежала на край площадки, вцепившись в перила. Мой офис был прямо передо мной, через узкий каньон улицы.

Окна серверной были темными. Но вдруг там, внутри, заметался луч фонарика. Один, второй... А затем — резкий, яркий свет дежурного освещения.

Их обнаружили.

— Матвей... — прошептала я, прижимая ладонь к губам.
— Уходи, пожалуйста, уходи...

Я достала кулон. Палец завис над тревожной кнопкой. Если я нажму её сейчас — это сработает как сигнал для него? Или я только выдам его местоположение?

Внизу, на парковке, я увидела машину Леонида. Он не уехал. Он стоял у открытого багажника и что-то кричал в телефон.

А затем я увидела то, от чего у меня остановилось сердце.

К центральному входу моего бизнес-центра на бешеной скорости подлетели две черные машины. Из них выскочили люди в камуфляже. Но это была не полиция. На их куртках не было нашивок.

Это были люди Сергея.

Леонид подставил не только меня. Он вызвал «чистильщиков», чтобы они помогли ему разобраться с «проблемой» в офисе.

Я нажала кнопку на кулоне. Один раз. Должно.

«Беги, Матвей. Беги».

И в ту же секунду сзади, на крыше, я услышала звук открывающейся двери.

— Далеко собралась, Женя? — раздался за спиной голос Леонида. Но в нем больше не было скучающего раздражения. В нем была холодная, убийственная решимость. — Я ведь говорил тебе. Не пытайся быть умнее меня.

Я медленно обернулась. Леонид стоял в дверях, и в его руке был не контракт.

В его руке был пистолет.

Глава 8 Матвей)

(от лица Матвея)

Холодный металл «отмычки» привычно холодил ладонь. В темноте серверной пахло озоном, перегретым пластиком и застоявшейся пылью — запахом, который я ненавидел почти так же сильно, как запах дешевых кабаков в портах Юго-Восточной Азии.

— Пять минут, Матвей. Максимум семь, — голос Демида в микронаушнике звучал так, будто он сидел не в машине через дорогу, а жевал мне ухо. — Охрана на первом этаже только что заказала пиццу, но у них на мониторах сейчас «зацикленная» картинка пустого коридора. Если кто-то решит сходить в туалет и посмотрит на дверь вживую — нам обоим прилетит по «тыкве».

Я не ответил. Лишние слова только сбивают дыхание.

Мои пальцы работали на автомате. Годы службы на флоте, а потом — три года в «бизнесе», который больше напоминал войну без правил, приучили меня к тому, что тишина — лучший союзник. Я нашел нужный разъем на задней панели системника. Вставил флешку Демида. Маленький красный огонек мигнул, как глаз проснувшегося хищника.

— Пошел сигнал. Я внутри, — выдохнул Демид. — Мать божья... Матвей, тут столько мусора в логах. Твой «капитан» Леонид реально не парился. Он заходил в систему

под логином жены даже из тех мест, где она физически не могла находиться. Например, из спа-салона на другом конце города. Скачиваю.

Я выпрямился, разминая затекшие плечи. Взгляд невольно упал на рабочий стол Евгении. Идеальный порядок. Фотография в серебряной рамке: она и Леонид на фоне какой-то белоснежной яхты. Она там улыбалась — открыто, искренне, еще не зная, что человек, обнимающий ее за талию, уже занес нож для удара.

Внутри шевельнулось что-то темное и тяжелое, как донный ил.

Я вспомнил ту ночь, три дня назад. Когда эта сумасшедшая ворвалась ко мне с ведром воды. Тогда я хотел просто вышвырнуть ее с пирса, но когда увидел ее глаза...

Потом я нашел в ее сумке ту самую распечатку с фотографией Риты. Моей бывшей жены. И рядом — фамилию. Леонид.

Пазл тогда не просто сложился — он ударил меня под дых со скоростью торпеды.

Десять лет назад я верил в офицерскую честь и морское братство. У меня были два сухогруза, молодая жена, которая обещала ждать из каждого рейса, и «верный партнер» по фамилии Леонид. Он был лощеным, умел носить костюмы и заводить нужные знакомства в портах. Я занимался морем — он бумагами.

Закончилось всё быстро. Поддельные таможенные декла-

рации, «левый» груз в моих трюмах, о котором я не знал, и облава в порту Гданьска. Леонид исчез первым, прихватив все счета и — как я узнал позже — мою Риту. Она не захотела ждать мужа из тюрьмы. Она захотела «легкости», которую ей пообещал человек, укравший мою жизнь.

Я выгрыз свою свободу. Продал квартиры, машины, залез в долги к людям, с которыми лучше не здороваться за руку, но закрыл все вопросы. От моей империи остался только старый хаусбот «номер шесть» и Бодман.

И вот теперь судьба, эта старая портовая шлюха, привела его жену ко мне.

— Матвей! — голос Демида взорвался в ухе, вырывая меня из воспоминаний. — Тревога! На парковку зашли две машины. Черные внедорожники. Из них выходят типы в «цифре», и это, черт, не ЧОП. У них снаряжение как у штурмовиков.

Я метнулся к окну, осторожно отодвинув жалюзи.

Внизу, у входа в БЦ, действительно стояли две «черные метки». Группа захвата двигалась профессионально, «коробочкой». Они не собирались проверять документы у охраны. Они шли зачищать.

— Демид, сколько до конца загрузки? — я уже проверял нож в чехле на голени. Пистолета у меня не было — я не хотел лишних проблем с законом, но сейчас об этом чертовски жалел.

— Процент сорок... тридцать пять... Матвей, уходи! Они

сейчас отрубят питание по всему стояку!

В этот момент мой телефон, лежащий в кармане в режиме вибрации, выдал длинный, судорожный импульс.

Тревожная кнопка. Евгения.

Я посмотрел в окно на здание ресторана напротив. Крыша. Там, в свете рекламных огней, я увидел два силуэта. Один — хрупкий, в темном пальто. Второй — выше, с вытянутой рукой.

Леонид не просто пришел на встречу. Он решил закончить всё здесь и сейчас.

— Демид, бросай всё! — рыкнул я в микрофон. — Гаси свет на этаже. Весь. И запускай пожарную тревогу.

— Но загрузка...

— Выполняй!

Я вылетел из серверной в темный коридор. В ту же секунду здание содрогнулось от воя сирены. Потолочные разбрызгиватели сработали с противным шипением, обрушивая на ковровлин потоки воды.

Я не пошел к лифтам — это ловушка. Пожарная лестница.

Я бежал вниз, перепрыгивая через три ступеньки, ощущая, как в висках пульсирует тяжелая, холодная ярость. Десять лет назад я позволил ему забрать у меня всё. Я был молод, я верил в правила. Теперь правил не было. Был только прицел и цель.

Я выскочил на первый этаж через черный ход, когда в холле уже раздавались крики и топот тяжелых ботинок. Люди

Сергея работали быстро, но сирена и вода создали нужный мне хаос.

Перемахнув через забор, я бросился через проспект, не глядя на летящие машины. Тормоза визжали, кто-то орал мне вслед, но я видел только крышу «Симфонии».

«Держись, Женя. Только не делай глупостей. Держись...»

Я ворвался в холл ресторана. Лифты были заблокированы системой безопасности из-за тревоги в соседнем здании. Проклятая автоматика.

— Лестница! Где выход на крышу?! — я схватил за грудки перепуганного администратора.

— Там... за служебным входом... но там закрыто...

Я не стал слушать. Ударом плеча вынес хлипкую дверь с табличкой «Staff». Пять этажей. Мои легкие горели, как после марш-броска в полной выкладке, но я не чувствовал боли. Я чувствовал только этот запах — запах приближающегося боя.

Когда я выбил дверь на крышу, меня обдало ледяным ветром.

Картина была как в замедленной съемке.

Евгения стояла у самого края, вцепившись в перила. Ветер трепал ее волосы, черное платье липло к ногам. А напротив нее, в пяти шагах, стоял Леонид. В его руке был «Глок». Он держал его уверенно, профессионально.

— Жаль, Женя, — донесся до меня его голос через завыв-

вание ветра. — Ты была хорошей женой. Но ты всегда слишком много думала. А Сергей не любит тех, кто думает.

Он начал плавно выжимать спуск.

— Леонид! — мой крик перекрыл шум города.

Он вздрогнул. Рефлексы ублюдка сработали быстрее, чем разум. Он начал разворачиваться на звук, уводя ствол от Евгении в мою сторону.

Это были те самые доли секунды, которые решают всё.

Я не был супергероем из кино. Я был просто злым мужиком, которому нечего терять. Я бросился наперерез, сокращая дистанцию.

Грохот выстрела разорвал ночь.

Я почувствовал, как что-то горячее обожгло плечо, но инерция уже несла меня вперед. Я врезался в него всем весом, сбивая с ног. Мы покатались по мокрому бетону крыши.

Пистолет отлетел куда-то в темноту, звякнув о металл.

Леонид хрипел, пытался выдавить мне глаза, вцепиться в горло. Он дрался как крыса, загнанная в угол — подло, отчаянно. Но он забыл одну вещь. Он десять лет сидел в кожаных креслах и пил дорогое вино. А я два года таскал цепи в портах и спал на голом железе.

Я нанес удар — короткий, жесткий, в челюсть. Потом второй — в солнечное сплетение.

Леонид обмяк, хватая ртом воздух. Я прижал его лицом к бетону, заламывая руку так, что суставы хрустнули.

— Помнишь меня, капитан? — прорычал я ему в самое ухо. — Помнишь Гданьск? Помнишь «Северную звезду»?

Он замер. В его глазах, расширенных от боли и страха, я увидел узнавание. Жалкое, трусливое осознание того, что прошлое вернулось, чтобы забрать долги.

— Матвей... — прохрипел он. — Пожалуйста... я всё отдам... деньги... Риту...

— Рита мне не нужна, — я нажал на руку сильнее, наслаждаясь его воплем. — А деньги ты отдашь ей.

Я поднял голову. Евгения стояла в двух шагах, бледная как смерть, прижимая руки к груди. Она смотрела на нас, и в ее взгляде не было ужаса. Там было что-то другое. Освобождение.

— Женя... — выдохнул я. — Ты в порядке?

Она медленно кивнула, не сводя глаз с мужа.

— Ты пришел.

— Я обещал, — я рывком поднял Леонида на ноги, не выпуская его руки. — Уходим. Здесь сейчас будет жарко.

Внизу, во дворе бизнес-центра, уже выли сирены настоящей полиции. Демид всё-таки успел нажать нужную кнопку.

— Куда мы? — спросила Женя, подходя ближе. Она дрожала, и я, не выпуская Леонида, притянул ее к себе свободным плечом.

— На базу, — отрезал я. — Боецман заждался. И нам нужно серьезно поговорить о том, как мы будем делить шкуру

этого медведя.

Я посмотрел на Леонида. Тот висел в моих руках мешком, глядя в пустоту. Он еще не понимал, что его «идеальный план» только что превратился в прах. А я понимал другое.

Эта женщина, которая сейчас прижималась к моему боку, была не просто «женой врага». Она была той, ради кого я готов был снова построить империю.

И на этот раз я не собирался совершать ошибок.

Глава 9

Ветер на крыше «Симфонии» больше не казался освежающим — он жалил, вскрывая поры и заставляя зубы выбивать мелкую, позорную дробь. Адреналин, до этого момента гнавший кровь по венам со скоростью тропического шторма, начал стремительно выветриваться, оставляя после себя липкий страх и странное, почти осязаемое онемение в пальцах.

Я смотрела на Леонида. Мой муж, человек, с которым я делила постель, планы на старость и утренний кофе в течение пятнадцати лет, сейчас напоминал смятую тряпичную куклу в руках Матвея. Его дорогое пальто было испачкано в бетонной пыли, а на скуле наливался багровый кровоподтек. В его глазах, лишенных привычного лоска, плескалось что-то мутное и трусливое.

— Поднимайся, капитан, — голос Матвея прозвучал сухо, как щелчок предохранителя. — Прогулка окончена.

Матвей рывком вздернул Леонида на ноги. Я только сейчас заметила, как по его левому плечу расплзается темное, почти черное пятно. Ткань куртки намочла слишком быстро, чтобы это была просто дождевая вода.

— Ты ранен... — голос мой сорвался, превратившись в едва слышный шелест.

Матвей даже не взглянул на свое плечо. Он лишь сильнее

сжал предплечье Леонида, заставляя того охнуть от боли.

— Царапина. Уходим. Лифты все еще стоят, спускаемся по пожарной лестнице.

Мы двигались быстро. Спуск по бетонным ступеням казался бесконечным кругом ада. Шаги Матвея были тяжелыми, уверенными, несмотря на рану. Леонид спотыкался, хрипел, пытался что-то лепетать, но стоило ему открыть рот, как Матвей встряхивал его с такой силой, что челюсти мужа клацали друг о друга.

Внизу, у черного входа, нас уже ждал внедорожник. Демид, бледный как полотно, сидел за рулем, вцепившись в обод так, что костяшки пальцев белели сквозь кожу. Увидев нас, он немедленно выскочил и распахнул заднюю дверь.

— Живой! — Демид выдохнул это слово как молитву. — Матвей, там в БЦ полная неразбериха, люди Сергея заблокированы в серверной, но полиция уже оцепила периметр. Если мы сейчас не свалим...

— Грузи его, — прервал его Матвей, заталкивая Леонида в салон. — В багажное отделение, под сетку.

— В багажник? — взвизгнул Леонид, пытаясь упереться руками. — Вы не имеете права! Я вызову...

Матвей молча, без единого лишнего движения, приложил его лбом о край дверного проема. Не сильно, но достаточно, чтобы Леонид обмяк и перестал сопротивляться. Через секунду мой муж лежал в багажнике собственного благополу-

чия, среди запасных тросов и канистр.

— Садись вперед, — Матвей кивнул мне. Его лицо в свете уличных фонарей казалось высеченным из камня. — Демид, уходим через дворы на Обводный. Там камер меньше.

Я села на пассажирское сиденье, ощущая, как салон автомобиля наполняется запахом дождя, пороха и железа. Машина сорвалась с места, обдав припаркованные лимузины веером грязной воды.

Город проносился мимо смазанными кадрами. Я смотрела на свои руки — на безымянном пальце всё еще тускло блестело обручальное кольцо. Оно казалось мне раскаленным клеймом. Медленно, преодолевая тошноту, я стянула его и бросила в подстаканник. Звук падения металла о пластик прозвучал для меня громче, чем выстрел на крыше.

— Ты как? — Матвей сидел сзади, удерживая руку на кобуре (или на том месте, где она должна была быть). Он бледнел на глазах, но взгляд оставался цепким.

— Я... я не знаю, — честно ответила я. — У меня такое чувство, что я смотрю кино. Очень плохое, дешевое кино про чужую жизнь.

— Это реальность, Евгения Викторовна, — подал голос Демид, не отрывая глаз от дороги. — И в этой реальности ваш супруг только что пытался отправить вас в лучший из миров. Так что кино, может, и дешевое, зато со спецэффектами.

Багажник позади нас заворочался.

— Женья... — донесся оттуда приглушенный голос Леонида. — Женья, ты совершаешь ошибку. Этот человек... Матвей... он сумасшедший. Он хочет отомстить мне через тебя. Он использует тебя, понимаешь? Позволь мне всё объяснить...

Я обернулась. Сетка багажника разделяла нас, как решетка в зоопарке.

— Объяснить что, Лёня? Как ты подделывал мои подписи? Как планировал мою тюрьму? Или как нанял людей с оружием, чтобы они «решили вопрос»?

— Это не я! — он почти плакал. — Это Сергей! Я не знал, что он пойдет на такое... Я просто хотел защитить нас...

— Заткнись, — Матвей произнес это так тихо, что в салоне мгновенно воцарилась гробовая тишина. — Еще одно слово, и я вспомню, чему меня учили в Гданьске перед тем, как твои друзья закрыли меня в камере.

Леонид затих. Только тяжелое, прерывистое дыхание выдавало его присутствие.

Когда мы свернули к заброшенному яхт-клубу «Маяк», дождь превратился в настоящую стену воды. Фары внедорожника выхватывали из темноты ржавые остовы судов и серый бетон пирса.

Матвей вышел из машины первым. Его пошатнуло, и он оперся о капот.

— Помоги ему, — крикнула я Демиду, бросаясь к Матвею.

Я подставила плечо, ощущая его жар и тяжесть. Он не стал спорить — силы действительно покидали его. Вместе мы дотащили его до трапа, а Демид тем временем выуживал из багажника Леонида, застегнув на его запястьях обычные пластиковые строительные стяжки.

Внутри хаусбота Боцман встретил нас утробным рычанием. Он сразу почувствовал чужого — и этот чужой ему явно не понравился. Кот встал дыбом, когда Демид завел Леонида в кают-компанию.

— В каюту его. К батарее пристегни, — скомандовал Матвей, опускаясь на диван. — И аптечку. Бегом.

Я бросилась за аптечкой, которую видела в шкафчике над камбузом. Руки тряслись, я никак не могла попасть ключом в замок, но в голове билась только одна мысль: он подставился под пулю ради меня.

Когда я вернулась, Матвей уже стянул куртку. Рубашка была пропитана кровью, липкой и горячей. Рана находилась чуть выше ключицы — пуля прошла по касательной, содрав лоскут кожи и задев мышцу, но, к счастью, не застряла внутри.

— Перекись, бинты, зажим, — я действовала на автомате. Годы в турбизнесе приучили меня к стрессу, но я никогда не думала, что буду обрабатывать огнестрельное ранение мужчине, которого знаю всего несколько дней. Я опустила

на колени рядом с ним.

— Будет больно, — предупредила я, откупоривая бутылку.

Матвей криво усмехнулся.

— После Гданьска мне уже ничего не больно, Женя. Работай.

Я лила перекись на рану, смотря, как шипит белая пена, смешиваясь с красным. Матвей лишь крепче сжал челюсти, так что на скулах заиграли желваки. Его кожа была горячей, пахла солью, порохом и чем-то очень мужским, первобытным. Я старалась не смотреть ему в глаза, фокусируясь на бинтовании, но чувствовала его дыхание на своем лице.

В соседней каюте послышался грохот и вскрик Леонида.

— Сиди тихо, урод! — рявкнул Демид. — Или я тебе вторую ногу для симметрии выверну!

Я закончила с перевязкой, затянув узел чуть сильнее, чем нужно. Матвей выдохнул.

— Спасибо. Ты хорошо справляешься. Для «железной леди».

Я поднялась, чувствуя, как усталость наваливается бетонной плитой.

— Почему он сказал, что ты хочешь отомстить ему через меня? Про Гданьск... ты ведь действительно был связан с

ним?

Матвей откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. В мягком свете лампы его лицо казалось старше, изборожденное тенями и шрамами, которые я теперь видела совсем близко.

— Десять лет назад мы были партнерами, — начал он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Я верил в море, в контракты и в то, что если ты честен с людьми, они ответят тем же. Леонид отвечал за бумаги. У нас была сделка по поставке электроники через Польшу. Всё было легально, пока в один день таможня не вскрыла мои контейнеры. А там — незадекларированное оружие.

Я замерла с окровавленным бинтом в руках.

— Леонид всё подстроил, — продолжал Матвей. — Он подделал накладные, подкупил диспетчеров и исчез за день до обыска. Меня взяли прямо в порту. Два года я доказывал, что не верблюд, пока сидел в камере три на три. Когда вышел — не было ничего. Ни фирмы, ни денег. А моя жена... Рита... она ушла к нему в тот же месяц.

— Он забрал у тебя всё, — прошептала я. — Так же, как у меня.

— Не так же, — Матвей открыл глаза, и в них зажегся холодный, яростный огонь. — У тебя он забирает деньги и свободу. У меня он забрал веру в людей. И сегодня я не просто спасал твою жизнь. Я возвращал свой долг. С процентами.

Он встал, слегка пошатываясь.

— Пойдем. Нам нужно поговорить с нашим гостем. У него есть информация, которая нам жизненно необходима, если мы не хотим завтра оказаться в федеральном розыске.

Мы зашли в каюту. Леонид сидел на полу, пристегнутый одной рукой к металлической стойке кровати. Он выглядел жалко: без галстука, в порванной рубашке, с размазанной по лицу пылью.

— О, явились мучители, — он попытался изобразить свою привычную ироничную мину, но губы его дрожали. — Женя, ты посмотри на себя. Ты связалась с уголовником. Ты понимаешь, что он сделает с тобой, когда закончит со мной?

Я подошла к нему вплотную и присела на корточки. В этот момент я не чувствовала ни любви, ни жалости. Только бесконечную, ледяную брезгливость.

— Лёня, — тихо сказала я. — Ты сейчас расскажешь всё про Сергея. Про его схемы, про офшоры и про то, где лежат оригиналы тех документов, которые ты вывез из офиса.

— Или что? — он выставил подбородок. — Ударить меня? Или твой костолом это сделает?

Матвей сделал шаг вперед, но я остановила его рукой.

— Нет. Никто тебя бить не будет. Просто Демид уже скачал историю твоих посещений за последние полгода. Мы знаем про Риту. Мы знаем про сапфиры. И мы знаем, что Сергей не любит свидетелей. Как ты думаешь, сколько ты

проживешь, если мы просто выставим тебя на улицу и сообщим его людям, что ты сдал все их счета?

Леонид побледнел. По-настоящему. Его кожа приобрела землистый оттенок.

— Ты не сделаешь этого...

— Я — нет, — я поднялась в полный рост. — Это сделаешь ты сам. Ты напишешь признание. В деталях. А взамен Матвей отвезет тебя в одно место, где тебя не найдут ни люди Сергея, ни полиция. Пока. У тебя есть пять минут на раздумья.

Мы вышли в кают-компанию. Демид сидел за ноутбуком, его пальцы летали по клавишам.

— Матвей, я нашел! — крикнул он. — Флешка, которую мы выдернули из его сейфа... тут не просто черная бухгалтерия. Тут переписка с Сергеем о поставках антиквариата через регату. Та самая «Благотворительная регата», которая будет через три дня!

Матвей посмотрел на меня. На его губах заиграла та самая улыбка, которую я видела на крыше. Улыбка человека, который точно знает, как победить.

— Значит, регата, — протянул он. — Ну что же, Евгения Викторовна. Пора вспомнить, что вы владелица крупнейшего турагентства. Нам нужно официальное приглашение на этот праздник жизни.

Я подошла к окну. Дождь почти кончился, и над заливом забрезжил серый, холодный рассвет. Внутри меня всё еще

дрожало, но где-то глубоко под ребрами начало расти новое, незнакомое чувство.

Я посмотрела на Матвея. Он стоял у карты, здоровой рукой придерживая раненое плечо. Сильный. Опасный. Мой.

— Я достану приглашение, — сказала я. — Но при одном условии.

Матвей обернулся, приподняв бровь.

— Каком?

— Мы не просто его посадим. Мы сделаем так, чтобы он увидел, как всё, что он строил, превращается в прах. Лично.

— Справедливо, — кивнул Матвей. — А теперь — спать. Завтра нам нужно стать теми, кем мы были раньше. Состоятельной дамой и её очень опасным телохранителем.

Он сделал шаг ко мне, и на секунду мне показалось, что он обнимет меня. Но он лишь мягко коснулся моей щеки здоровой рукой.

— Спи, Женя. Худшее уже позади. Обещаю.

Я ушла в свою каюту, легла на койку, не раздеваясь. Боцман пришел следом и устроился на моих ногах, как живой, теплый якорь. Засыпая, я думала о том, что моя жизнь действительно похожа на кораблекрушение. Но, кажется, я только что нашла берег. И этот берег пах кофейными зернами и штормовым морем.

Глава10

Пробуждение на хаусботе было странным ощущением. Лодка не стояла на месте — она дышала. Легкая, едва уловимая вибрация корпуса от бьющейся о борта воды передавалась прямо в позвоночник. Казалось, будто я нахожусь внутри огромного живого существа, которое мерно качает меня на своих ладонях.

Я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок, обитый потемневшими от времени сосновыми рейками. В голове было пусто и звонко, как в пустом колоколе. События вчерашней ночи — выстрел на крыше, багажник внедорожника, окровавленное плечо Матвея — казались кадрами из остросюжетного боевика, который я посмотрела перед сном. Но ноющая боль в висках и чужая каюта напоминали: это не кино. Это моя новая реальность, пахнущая соляжкой и речной сыростью.

Я приподнялась на локте. Спина отозвалась протестующим хрустом. Узкая койка была жесткой, но, как ни странно, я выпалась лучше, чем в последние месяцы на нашей огромной ортопедической кровати на Крестовском. Там я часами смотрела в потолок, слушая ровное дыхание Леонида и чувствуя, как между нами растет невидимая ледяная стена. Здесь стены были деревянными и тесными, но за ними не было лжи.

Ботман, спавший в ногах, почувствовал моё движение. Он лениво потянулся, выставив когти, и издал короткий, требовательный звук — что-то среднее между мяуканьем и рыком.

— Поняла, — прошептала я, опуская ноги на холодный пол. — Завтрак по расписанию.

Я быстро оделась. В зеркале на меня смотрела женщина с бледным лицом и решительно сжатыми губами. Волосы растрепались, под глазами залегли тени, но взгляд... взгляд изменился. В нем больше не было растерянности. Только холодная, расчетливая сосредоточенность.

В кают-компании было тихо. Матвей сидел за столом, спиной ко мне. Перед ним стояла нетронутая чашка кофе, а в руках он вертел старый армейский нож, методично проверяя остроту лезвия. Его левое плечо было туго перебинтовано поверх свежей футболки, но по тому, как он держал спину, было ясно: каждое микродвижение дается ему через силу.

— Как рука? — спросила я, подходя к камбузной зоне.

Матвей не вздрогнул. Кажется, он слышал каждый мой шаг.

— Бывало и хуже. Жить буду, если не заставишь меня танцевать танго.

Он обернулся. В сером утреннем свете его лицо казалось высеченным из камня. Шрамы на щеке и шее выделялись резче, а глаза смотрели так, будто он заглядывал мне под ко-

жу.

— Тебе нужно поменять повязку, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал по-деловому. — И выпить антибиотики. Я видела их в аптечке.

— Позже, — отмахнулся он. — Сначала кофе. И нужно решить, что делать с нашим постояльцем.

Он кивнул в сторону закрытой двери гостевой каюты. Оттуда не доносилось ни звука. Леонид либо спал, либо затаился, обдумывая очередной план спасения своей шкуры.

Я принялась за готовку. Простые действия — нарезать хлеб, разбить яйца на сковороду, вдохнуть аромат свежего кофе — возвращали мне чувство контроля над миром. В моей прошлой жизни этим занималась домработница или официанты в ресторанах. Но сейчас, в этой тесной кухоньке, я чувствовала странное удовлетворение от того, что делаю что-то осязаемое.

— Матвей, — позвала я, ставя перед ним тарелку. — Почему он так боится этого Сергея? Пятьдесят миллионов — большие деньги, но для Леонида это не предел. Он мог бы договориться, если бы это был обычный бизнес.

Матвей взял вилку, поморщился от боли в плече и посмотрел на меня.

— Потому что Сергей — это не бизнес, Женя. Это система. Он не дает деньги в долг. Он покупает лояльность и возможность использовать каналы. Если Леонид провалил опе-

рацию с серверами и подставил его людей под полицию, он для Сергея больше не партнер. Он — опасный свидетель и балласт. А балласт в их мире сбрасывают за борт без спасательного круга.

Я присела напротив, обхватив кружку руками. Тепло керамики приятно согревало пальцы.

— Значит, он в ловушке. Между нами и Сергеем.

— Именно. И наша задача — сделать так, чтобы он выбрал нас. Хотя бы на время регаты.

За дверью каюты послышался приглушенный стон, а затем — яростный стук.

— Женя! Матвей! Выпустите меня! У меня затекла рука!
— голос Леонида сорвался на визг.

Матвей спокойно дожевывал кусок хлеба, выпил кофе и только потом встал.

— Пойдем, навестим капитана дальнего плавания.

Он отпер дверь. В каюте пахло потом и страхом. Леонид сидел на полу, прислонившись спиной к кровати. Его прическа была безнадежно испорчена, на подбородке появилась щетина, а в глазах металась паника.

— Женя, — он посмотрел на меня с такой надеждой, что мне стало тошно. — Скажи ему, чтобы он меня развязал. Мы ведь можем договориться. Я верну деньги. Я перепишу на

тебя всё, что захочешь. Квартиру на Крестовском, офисы... только вывези меня отсюда! Сергей уже ищет меня!

Я смотрела на него и не чувствовала ничего. Ни злости, ни торжества. Просто холодное любопытство, как при виде раздавленного насекомого.

— Поздно, Лёня. Ты уже всё переписал на свою мать и офшоры. Ты сам сжег все мосты. А насчет квартиры... Матвей сказал, что твое признание — единственный шанс не оказаться в бетоне.

Матвей подошел к нему и присел на корточки.

— Слушай меня, урод. Сейчас Женя принесет тебе бумагу и ручку. Ты напишешь всё: счета, фамилии, даты. В деталях. Как ты подставлял её, как работал на Сергея. Каждую цифру. Если соврешь хоть в одном знаке — я просто открою дверь, выведу тебя на пирс и оставлю там. Без телефона.

Леонид сглотнул. Его кадык судорожно дернулся.

— Они убьют меня, как только я начну писать...

— Они убьют тебя в любом случае, — отрезал Матвей.

— Но с нами у тебя есть шанс дожить до суда. Там хотя бы стены надежные.

Я вышла в кают-компанию, достала из своей сумки блокнот и ручку. Когда я вернулась и бросила их к ногам Леонида, он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я невольно

вздрогнула.

— Ты пожалеешь об этом, Женя. Ты думаешь, этот уголовник лучше меня? Он использует тебя, чтобы добраться до моих денег, а потом выбросит, как старую тряпку.

— По крайней мере, он не пытался меня посадить, — тихо ответила я. — Пиши, Лёня. Пять минут пошли.

Матвей закрыл дверь каюты и тяжело опустился на диван. Он выглядел измотанным. Его лицо побледнело, а на лбу выступили капли пота.

— Снимай футболку, — приказала я.

— Женя, не начинай...

— Это не просьба. Снимай, иначе я сама её разрежу. Ты истечешь кровью или подхватишь заражение, и кто тогда будет ломать хребты твоим врагам?

Он усмехнулся, но спорить не стал. Медленно, шипя сквозь зубы, он стянул ткань через голову. Я невольно задержала дыхание. Его торс был картой сражений — шрамы от ножей, ожоги, следы от пуль. Но сейчас всё внимание было приковано к свежей ране. Бинт промок, края разреза воспалились.

Я достала антисептик и новые бинты. Мои пальцы действовали уверенно. Я обрабатывала рану, чувствуя, как напряжены его мышцы под моей рукой. Он был горячим, как раскаленный металл. В какой-то момент я подняла взгляд и обнаружила, что он смотрит на меня. Не на рану, а на моё

лицо.

— У тебя руки не дрожат, — тихо произнес он. — Откуда такая выдержка?

— Пятнадцать лет брака с человеком, который каждый день врал мне в глаза, — ответила я, фиксируя повязку. — Это хорошая школа. Учишься не показывать эмоции, даже когда внутри всё горит.

— Ты не заслужила этого, — Матвей перехватил мою руку. Его ладонь была огромной, мозолистой и удивительно нежной. — Такой жизни. Таких людей вокруг.

— Мы все получаем то, что заслужили, или то, на что согласились, — я не убрала руку. Это прикосновение было первым за долгое время, которое не вызывало у меня желания отстраниться. — Я согласилась быть «удобной». Быть тылом. Я сама позволила ему стать таким.

— Нет, — Матвей покачал головой. — Гниль либо есть в человеке, либо её нет. Леонид был таким всегда. Он просто ждал момента.

Он отпустил мою руку и оделся. В кают-компании воцарилась тишина, прерываемая только скрипом ручки из соседней каюты. Боцман устроился на подоконнике, наблюдая за пролетающими чайками.

Весь день прошел в странном, зыбком режиме ожидания. Демид уехал «подчищать хвосты» в сети, обещав вернуться к вечеру. Я занималась мелкими делами на лодке — вымыла посуду, прибрала на полках. Быт на воде требовал дисци-

плины: всё должно было лежать на своих местах, чтобы не упасть при качке. Матвей в основном молчал, изучая карты и какие-то документы на планшете.

Когда за окнами начало темнеть, а небо над заливом приобрело цвет разведенной туши, Матвей позвал меня на палубу. Дождь кончился, воздух был холодным и пронзительно свежим.

— Садись, — он указал на складной стул. Сам он оперся на леер, глядя на темную воду. — Нам нужно поговорить о Рите.

Я замерла. Это имя до сих пор вызывало у меня колючую волну ревности и боли, хотя я понимала, что Рита — лишь инструмент в руках Леонида.

— Она была другой, когда мы познакомились, — начал Матвей, не глядя на меня. — Или я хотел её такой видеть. Тонкая, звонкая, вечно смеялась. Я думал, что даю ей всё. Оказалось — мало. Леонид пришел к нам как инвестор. Он приносил цветы, билеты в театр, когда я был в портах. Он обещал ей блеск, которого я, по его словам, лишал её своей «соляркой».

Он горько усмехнулся и достал сигарету, прикуривая одной рукой.

— В Гданьске, когда меня брали, она стояла рядом. Она не плакала. Она просто смотрела на меня, как на досадную помеху. А через неделю я узнал, что она уже живет в его квар-

тире. Леонид не просто украл мои деньги, Женя. Он украл моё право верить женщинам. Долгое время я думал, что вы все сделаны из одного теста. Просто цена разная.

Я подошла к нему и встала рядом, чувствуя холод металла под пальцами.

— И что изменилось?

Матвей повернулся ко мне. Кончик его сигареты горел в темноте, как маленький маяк.

— Ты. Ты ворвалась ко мне с этим ведром, и я увидел не хищницу. Я увидел женщину, которую раздавили, но которая всё равно пытается драться. Ты не просила жалости. Ты не пыталась торговаться собой, когда осталась на улице.

Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до минимума. Я чувствовала запах табака и морской соли, исходящий от него. Его близость больше не пугала меня. Она притягивала, как магнитная аномалия.

— Ты спросила вчера, почему я это делаю, — прошептал он, склоняясь к моему лицу. — Да, я хочу его уничтожить. Но еще я хочу, чтобы ты снова научилась улыбаться. По-настоящему. Не для партнеров по бизнесу, а для себя.

Его рука коснулась моего затылка. Пальцы зарылись в волосы, мягко притягивая меня ближе. Моё сердце забилось в горле. Пятнадцать лет я жила с человеком, чьи прикосновения были привычными, как домашние тапочки. Мат-

вей был штормом. Опасным, непредсказуемым, но чертовски живым.

Когда его губы коснулись моих, мир вокруг перестал существовать. Не было хаусбота, не было Леонида за стеной, не было страха перед будущим. Был только вкус соли, жар его тела и отчаянная, жадная потребность почувствовать себя живой. Это был не нежный поцелуй — это было признание в любви двух людей, выживших после крушения.

Я ответила на поцелуй, запуская руки под его футболку, ощущая твердые мышцы и шрамы. В этот момент я поняла: я больше не «жена изменщика». Я — женщина, которая нашла свою силу. И эта сила была в нем.

Мы отстранились друг от друга, тяжело дыша. В темноте его глаза казались черными омутами.

— Мы их уничтожим, Женя, — тихо сказал он. — На регате. Всё, что он украл, вернется к тебе. С процентами.

— Я знаю, — я поправила воротник его футболки. — Леонид думает, что он играет в шахматы. Но он забыл, что на море правила диктует стихия.

В кают-компании хлопнула дверь — вернулся Демид.

— Ребята, вы не поверите! — закричал он, вваливаясь на палубу. — Я вскрыл почту Риты. Леонид обещал ей после регаты уехать в Ниццу. На той самой яхте, где будет Сергей. Но есть один нюанс: Сергей заказал на это число только один билет в один конец. И это билет не для Леонида.

Матвей переглянулся со мной.

— Значит, он хочет убрать свидетеля прямо во время праздника.

— Похоже на то, — Демид вытер пот со лба. — Нам нужно спешить. Пригласительные на регату готовы. Завтра — примерка костюмов. Мы заходим на борт официально.

Глава 11 (Матвей)

(от лица Матвея)

Вкус её губ всё ещё горчил на моих — солью, страхом и едва уловимой сладостью, которую я не чувствовал в этой жизни слишком долго. Женя спала. После того поцелуя на палубе она словно лишилась последних сил, выплеснув всё напряжение в одно короткое, отчаянное касание. Я проводил её до каюты, накрыл пледом и вышел, стараясь дышать медленно.

Плечо ныло. Пуля задела не только плоть, она зацепила старые, заросшие тиной воспоминания, которые я так старательно топил на дне залива последние годы.

В кают-компании Боцман с недовольным видом доедал остатки рыбы. Демид, обложившись ноутбуками, уже сопел, уронив голову на скрещенные руки. Я прибрал на столе, сгребая в кучу крошки и разбросанные записи Жени.

Среди её бумаг, набросков схем офиса и юридических терминов, мелькнул край глянцевої бумаги. Я потянул его на себя.

Это была распечатка. Фотография из социальной сети, сделанная, судя по всему, в каком-нибудь пафосном загородном клубе. На ней женщина — блондинка с капризно изогнутыми губами и бокалом шампанского в тонких пальцах — смеялась, прижимаясь к плечу Леонида.

Рита.

Я смотрел на это фото, и в ушах зазвенел гул турбин, уходящих на форсаж. Я знал этот изгиб губ. Знал этот взгляд, в котором всегда читалось: «Дай мне больше».

Евгения носила это фото с собой, как личный манифест своей боли. Она изучала соперницу, искала в ней изъяны или, наоборот, причины, по которым её променяли на этот «праздник жизни». Она не знала, что для меня это фото — не просто картинка. Это приговор, который я вынес сам себе десять лет назад.

Я смял бумагу в кулаке.

Десять лет. В Гданьске небо было таким же серым и тяжелым, как сегодня. Я помнил холод наручников на запястьях и то, как Леонид стоял на пирсе, поправляя воротник своего безупречного пальто. Рита была в его машине. Она даже не вышла. Просто смотрела на меня сквозь тонированное стекло, пока меня заталкивали в полицейский фургон.

Леонид не просто украл мои сухогрузы и счета. Он украл мою личность. Офицер флота, уважаемый перевозчик — в одну секунду я стал уголовником, контрабандистом оружия.

Я три года гнил в польской тюрьме, пока он строил свой «Аквamarin» на мои кости. Рита стала его трофеем. Она любила победителей. А я тогда был проигравшим по всем фронтам.

Я разжал кулак. Смятая фотография Риты валялась на столе, изуродованная складками.

— Ну что, капитан? — прошептал я сам себе, глядя на закрытую дверь каюты Леонида. — Круг замкнулся.

Я подошел к двери «пленника» и медленно повернул ключ.

Леонид спал. Даже в таком виде — пристегнутый к кровати, побитый и униженный — он ухитрялся выглядеть как человек, который верит в свою исключительность. Я присел на стул напротив него, не включая свет. В каюте царил густой полумрак, разрезаемый лишь тусклым светом фонаря с пирса.

— Просыпайся, Лёня, — негромко сказал я.

Он вздрогнул, открыл глаза и мгновенно сжался. Его взгляд метался по каюте, пока не наткнулся на меня.

— Матвей... чего тебе еще? Я всё написал. Всё, что помнил.

— Ты забыл самое главное, — я бросил смятую фотографию ему на колени. — Ты забыл рассказать своей жене, что ты сделал с Ритой.

Леонид посмотрел на фото, и его лицо исказила гримаса, которую он, видимо, считал ироничной улыбкой.

— А, это... Ну, Рита — женщина со вкусом, Матвей. Она всегда хотела большего. Ты был слишком... прямолинейным. Солёным. А ей хотелось шелка. Ты же понимаешь, женщины как кошки — идут туда, где теплее.

— Ты подставил меня, чтобы забрать её? — я подался вперед. Плечо прострелило болью, но я даже не поморщился. — Или ты подставил меня ради денег, а она просто шла в комплекте как бонус?

Леонид сглотнул. В его глазах на секунду мелькнул тот самый расчетливый подлец, которого я знал десять лет назад.

— Слушай, Матвей... Это был просто бизнес. Я нашел инвестора, ему нужны были каналы. Ты бы никогда не пошел на криминал, ты же у нас «человек чести». Мне пришлось... расчистить фарватер. Рита сама ко мне пришла. Еще до того, как тебя взяли.

Я почувствовал, как внутри всё закипает. Значит, еще до облавы. Значит, пока я планировал наше будущее, они планировали мою тюрьму.

— Знаешь, Лёня, — я поднялся, нависая над ним. — Я долго думал, что я сделаю с тобой, когда мы встретимся. Хотел сломать тебе всё, что ломается. Но сейчас я смотрю на тебя и понимаю... это будет слишком просто.

— Что ты задумал? — он заерзал, стяжки на его руке натянулись.

— Ты завтра пойдешь на регату, — я чеканил слова. — Ты сам выведешь нас на Сергея. Ты отдашь Евгении всё, что украл у неё. А потом ты увидишь, как Рита — твоя преданная Рита — будет отрекаться от тебя, когда к твоей шее приставят нож. Потому что такие, как она, не любят проиграв-

ших. А ты уже проиграл.

Я вышел, хлопнув дверью и провернув ключ.

Евгения стояла в коридоре. Она куталась в мой свитер, её глаза были огромными и темными в свете дежурных ламп. Она слышала каждое слово.

— Матвей... — тихо позвала она.

Я остановился. Сейчас я чувствовал себя куском ржавого железа, выброшенным на берег. Мрачным, опасным и совершенно недостойным такой женщины, как она.

— Ты носила это фото в сумке, — я кивнул на каюту. — Ты хотела знать, почему он выбрал её.

Женя подошла ближе. От неё пахло сном и тем самым мылом, которое я покупал в порту — простым, дешевым.

— Я хотела понять, чего ему не хватало. Думала, я стала слишком скучной. Слишком «деловой».

Я взял её за подбородок, заставляя смотреть на себя.

— Ему не хватало совести, Женя. А тебе её некуда девать. Леонид никогда никого не любил. И Риту он тоже не любил. Он просто забирал то, что принадлежало мне. Он коллекционер чужих побед. Но сейчас он столкнулся с тем, кто умеет воевать до последнего патрона.

Она накрыла мою ладонь своей. Её пальцы были тонкими, но хватка — удивительно крепкой.

— Ты помогаешь мне не только из-за мести, верно?

Я промолчал. Фарватер нашей жизни был слишком сложным, чтобы отвечать на такие вопросы в лоб.

— Иди спать, Женя. Завтра нам нужно превратить твоего мужа в наше главное оружие.

— Я не хочу больше бояться, Матвей, — прошептала она, делая шаг ко мне. — Все эти годы я жила в золотой клетке, думая, что я хозяйка своей жизни. А на самом деле я была просто красивым фасадом для его афер.

Я притянул её к себе, чувствуя, как она дрожит.

— Больше никакой клетки. Только море.

Мы простояли так несколько минут. Двое людей, выброшенных на один берег. Она — из своего глянцевого мира, я — из своего персонального ада.

— Демид нашел информацию о яхте Сергея, — произнес я, отстраняясь. Нам нужно было сохранять голову холодной. — Это "Стефания". Огромная парусная яхта. Она будет стоять во главе регаты. Там будет всё: антиквариат, деньги, списки его теневых связей. Леонид должен провести нас туда под видом своих партнеров.

— А если Сергей его узнает? Если он поймет, что Леонид привел хвост? — Женя нахмурилась.

— Для этого у нас есть легенда. Я — твой новый «инвестор». Жесткий, богатый и очень недовольный тем, что Лео-

нид подставил нашу общую компанию под удар. Мы заявимся туда как разгневанные кредиторы. Сергей любит деньги больше, чем людей. Если мы предложим ему схему поинтереснее той, что рисовал Леонид, он позволит нам подняться на борт.

— А дальше? — Женя смотрела на меня с вызовом.

— А дальше в игру вступит Бецман, — я усмехнулся.

— Демид подготовил вирус для их системы навигации. Как только мы окажемся в открытом море, "Стефания" перестанет слышать берег. И тогда у Леонида не останется выбора, кроме как сдать нам всё.

— Ты рискуешь жизнью, Матвей. Снова. Ради меня.

— Нет, Женя. Ради нас обоих.

Я проводил её до каюты. В этот раз я не стал целовать её. Воздух между нами и так был наэлектризован до предела. Нам обоим нужно было дожить до завтра.

Когда дверь закрылась, я вернулся в кают-компанию. Демид всё ещё спал, тихо посапывая. Я сел к окну.

Дождь кончился. Над заливом занимался серый, холодный рассвет. Вдалеке огни города казались россыпью драгоценных камней на черном бархате.

Я вспомнил Риту. Десять лет я представлял этот момент. Думал, что когда увижу её фото, сердце снова разорвется от ярости. Но сейчас... сейчас я чувствовал только пустоту. Рита была прошлым. Красивой оберткой, внутри которой оказалась пустота.

А за дверью моей каюты спала женщина, которая за три дня перевернула мой мир. Женя. Сильная, надломленная, но не сломленная.

Я достал из кармана зажигалку, щелкнул крышкой. Пламя дрожало на ветру из приоткрытого иллюминатора.

«Завтра, Лёня. Завтра твой корабль окончательно пойдёт на дно», — подумал я.

Я не был святым. И уж точно не был «принцем на белом хаусботе». Я был человеком, который умеет ждать. И сегодня моё ожидание подошло к концу.

Я лег на диван, накрывшись старой курткой. Засыпая под мерный плеск воды, я впервые за многие годы почувствовал, что фарватер чист.

Впереди была регата. Впереди была битва. И, видит Бог, я собирался выйти из неё победителем.

Но главным моим призом были не деньги Леонида и не его унижение. Главным призом была женщина, которая научила меня дышать заново.

Я закрыл глаза. Боцман прыгнул мне на грудь, устраиваясь поудобнее.

— Мы справимся, старик, — прошептал я коту. — Мы всегда справлялись.

Где-то там, в своей каюте, Леонид, наверное, видел кошмары. Рита в своей квартире выбирала новое платье для регаты. А Сергей на своей яхте подсчитывал будущую прибыль.

Они все ошибались. Они думали, что море принадлежит им.

Они забыли, что море принадлежит тем, кто не боится его соли.

Завтра наступит день расплаты. И я буду там, чтобы лично забрать свой долг.

Глава12(Рита)

(от лица Риты)

Отражение в зеркале было безупречным, но меня это больше не радовало. Я провела кончиком пальца по скуле, проверяя, не забился ли праймер в едва заметную мимическую складку. Мне тридцать. В этом возрасте красота из божьего дара превращается в инвестицию, которую нужно постоянно защищать.

Я пшикнула на запястья «Sweet Sin». Густой, липкий аромат окутал меня, как тяжелый бархат. Леонид обожал этот запах, а меня от него в последнее время подташнивало. Но Лёня платил, а значит, Лёня выбирал музыку и парфюм.

Квартира на Крестовском, которую он так гордо называл «нашим гнездышком», сегодня казалась мне просторным склепом. Потолки давили своей бели

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.